

ГЕННАДИЙ КАНЕВСКИЙ

СЕАНС

УДК 821.161.1-1
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
К19

К19 Геннадий Каневский. Сеанс. Стихотворения.
— 224 с.

В книгу избранных стихотворений московского поэта, призера нескольких литературных конкурсов, лауреата премии журнала «Октябрь» и премии «Московский наблюдатель», вошли тексты, написанные и опубликованные за период 1999 - 2014 г.г.

*Корректор Елена Горшкова
Дизайн обложки — Екатерина Рыгус*

© Gennady Kanevskiy. All rights reserved
ISBN

©Геннадий Каневский, 2016

©Ольга Салтанович, рисунок на обложке, 2016

Из книги «Как если бы»
(2006)

я полежу ещё знаешь
в чайник ударит вода
глуше и глубже когда
воздух водой заменяешь
будто к вискам прижимаешь
серые кубики льда

день заменяешь зажатой
в пальцах солонкою ты
голос кипеньем воды
медноволосая жанна
пятна на скулах от жара
газовый венчик плиты

помнишь смотрели рекламу
знаешь мы вместе сторим
мир превращается в рим
привкус библейского срама
дверь неопрятная рама
утренний хлеб маргарин

мне пора отвыкать от моей жизни,
от этой пугливой кареглазки,
любящей французскую речь (странно, с чего бы? —
никогда не питал пристрастия к галлам),
вздрагивающей от звука рвущейся газеты,
забывающей включённый уют в середине прежней вселенной
(и тем самым — дающей начало новой).
да поможет мне старый мадьяр Сорос
и ангелы его — различные фонды,
да укрепят меня, да поддержат в этом,
да настроят биос, да отладят программу.

мне пора привыкать к моей смерти,
к моей радости рыжей, зеленоглазой,
возлагающей персты на мои веки
так легко, что угадать невозможно,
кто стоит за спиной, от кого пахнет водой канала,
старыми камнями, нагретыми нездешним солнцем,
плесневелой коркой, лимонной цедрой.

НО

только покажется, что отвык от первой, кареглазой, —
промелькнёт в подъезде, за стеклом вагонным улыбнётся
неизвестно кому, в магазине книжном
с полки глянет.

НО

только покажется что привык ко второй, рыжей, —
убежит на тот берег, к пьяному сброду,

пришлёт записку «не жди обратно. ненавижу».
утром ткнёт невидимым пальцем
с обкусанным ноготком неопрятным
в длинный список погибших на первой странице газеты.

видно, не сдать экзамен,
не проснуться в лёгком облаке рано.
вместо этого придут люди с алюминиевыми глазами
(как солдатские ложки),
скажут: «где список книг, что ты должен был прочитать за лето?
почему не отвык от жизни? почему не привык к смерти?»
и нечего им ответить.

По второму каналу опять сериал,
По четвёртому — трёп о любви.
Я пельмени купил. Я пятьсот разменял.
Не ругайся. Шифровку прими.

Доставай из комода свой ключ запасной.
Передачик дыханьем согрей.
Мы не крови одной, мы спецслужбы одной.
(Алекс — Юстасу: «Выпьем. Налей».)

Просто нас угораздило жить свысока,
Видеть вещи с другой стороны.
Нам отдали с лотка, по цене коробка
Спичек — пару мгновений весны.

Я красивую форму в ломбард отнесу.
Я кресты и нашивки спорю.
Я покончу с собою в баварском лесу.
(Для тебя — на работе сгорю).

Ты ж не выдай, смотри, агентурную сеть,
Отпирайся и стой на своём:
«Он такой же, как все.
Он такой же, как все».

Не ругайся.
Как слышно?
Приём.

вагон метро. круговорот теней.
стоять ещё плотней, ещё больней,
тепло и смрад затравленно вдыхая,

и повторять, летя из тьмы во тьму,
тебе, себе, а в общем — никому:
«еще чуть-чуть. сейчас уже «тверская»

вот краткий свет и мрамор подкидной,
и снова перегона перегной,
и с каждой минутой всё темнее.

как не пропеть судьбу перед концом
тому, кто с изменившимся лицом
нащупывает пуговку на шее?

Говори, галерник. Ты первый, кто воротился, но
наших было триста — и где же теперь они?
Расскажи, как под злую музыку Яна Тирсена
напрягали мышцы, вытягивали ступни.
Как за десять лет до того забрели в селение
чужеземцы — и начинали издалека:
показали рекламный плакат с прекрасной Еленюю,
называя ее «подругою моряка»;
как за пару лет перед тем, белозубым отроком,
ты глядел на далёкое море из-под руки,
забывая, что хил, что с детства подвержен обморокам,
что судьба на небе сужает свои круги, —
говори. Не ты ли плюнул на предсказания,
по чужим деревьям собирал голоштаннных — и
обучал походке моряцкой, шуткам казарменным,
безобразным песням, метанью ножей, любви?
Что молчишь, галерник? Вспомнил? — Кнуты и пряники,
арестантской цепью скованные ряды,
как ходил меж вами горбатый хозяин пьяненький,
заслонясь щитами своих холуёв гнедых,
как десяток лет за светящейся чудной краскою
совершали рейды: в Сирию — и назад.
И сияли глаза Елены.
Глаза прекрасные.
На носгах галер
нарисованные
глаза.

Фонари над предместьями Рима.
Запах рыбы. Верёвки. Бельё.
Говори, не дури, Форнарина,
Рыжекудрое пламя моё.
Мы там не были, только — фатальным,
Украинским, частящим — поэт
Голос твой, подголосок италий,
Мимо дня, мимо сна, мимо нот.

Все я помню, мнемоник проклятый:
Чуть заметную складку у рта,
Целлулоидный твой сорок пятый,
Надоевшее «феличита»,
Как по бюстам тугим тосковали,
Как копались носами в белье,
Как под свист Лилианы Кавани
Ты давала ночному портё.

Проходи, проходи, посторонний.
Брысь, профан, ничего не поймёшь.
Медным югом на грязной ладони
Нам протянут полуденный грош —
Кинозал, догоревший окурок,
Кровь-любовь из открывшихся ран,
И рыдает в углу полудурок,
Тыча пальцем в погасший экран.

Се — наша родина: изюм, сабза, урюк.
(Минута радости — и доктор обеспечен).
Базарной, вязкою слюной увековечен —
Отпустят ниточку — и вырвешься из рук,

И поднимаешься. Внизу — минуты три
Ещё следят, ещё волнуются: «Ну, что там?» —
Потом расходятся. И с этих пор полётом
Ты управляешь сам. Бессменно. Изнутри.

Под оболочкою никто не разберёт,
Как сердце звонкое до времени играет:
То путь нащупает, то снова потеряет,
То рифму пробует, как дети — первый лед.

Отпустят ниточку — и небо пустоты
Бумажным голосом беседует с тобою —
Настойкой опия, настольною луною —
И молча слушает, как отвечаешь ты.

Надо бы жизнь начинать с запятых,
Время и место отсчитывать с лета.
В восемь утра на высотах твоих —
Лёгкий туман и гимнастика света.

День разминается перед грозой
В белом пуху и мелькании крыльев,
Яркий, чахоточный и молодой,
Как живописец Федор Васильев.

Мы никому ничего не должны
Кистью, мазком, сочетанием литер.
Дверь приоткроем с другой стороны —
Не разглядели? ну что ж, извините.

Мокрого луга трава высока.
Краткий привал. Живописная нега.
И — облака, облака, облака,
Заполонившие тесное небо.

Кто жизнь, будто пулю в ночи, расписал,
Заранее прикуп узнав,
Тому — на морской белоснежный вокзал,
И пальмы, и вечная love.

Кто пальмы и love ещё в школе прошёл
И смертью храбрых погиб,
Тому — на молчание, на посошок,
На ход бестолковой ноги.

Оставь упования и следуй за мной
На темную станцию Дно,
Где ночью в вагонное смотришь окно —
И видишь другое окно.

Где в горле першит штукатурная смесь.
Где смерть — продуктовый набор.
Где нас ожидает автобус-экспресс
До Пскова. До Пушкинских Гор.

кряхтит пророк в отечестве своём
на тридцать три локтя закопан в землю
в зернь проиграла чернь и солдатня
хорошую дублёнку что привёз
тому назад шатаясь по европам
по молодости автостоп и пьянки
девчонки сами прыгали в кровать
за лекции наличными платили
ну как же как же говорили призрак
тьень гамлета отца читали в детстве
забыли правда автора но всё же
мол всё смешалось в доме периньона
ла вида эс фуэнте овехуна
а он не возражал изобретатель
властитель дум перехватитель горла
передаватель соли за столом
не хлеб изгнанья хлеб возврата горек
кряхти теперь богатый бедный йорик
на тридцать три
в отечестве своём

— карточку-заказывали-ну-что-там?
жалобы симптомы два года спортом
повернитесь к свету открытым ротом
датчики на шею и в область паха
— надо побороть в себе чувство страха
мокрая рубаха при звуках баха
ну а ждешь трамвая она сухая
надо бы не так ну а как не знаю
доктор буду жить — я вам так сыграю
так вам напишу посвящу вам лично
мне это нетрудно почти привычно
— а так вы из этих? смотрю ледаций
пишете небось яко тати в нощи
случай ваш несложный куда уж проще
говорите резче молчите чаще

я живу за стеной — ты живешь за стеной.
наблюдатель на крыше живет жестяной.
то ли липскеров он, то ли веллер —
слышишь малошумящий пропеллер?
знаешь, кто-то варенье крадет по ночам,
кто-то тёщу таскает весь день по врачам,
потому что в отсутствие тёщи
наблюденье значительно проще.
а потом они записи птицам поют,
те красивым радисткам их передают,
ну а что на уме у радистки —
знает только эрцгерцог австрийский.
вот — на уровне слуха — родился сюжет,
вот издатель нашёл, как потратить бюджет.
отступаем, мой друг, отступаем
и тираж понемногу скупаем.
мы найдём, что с ним делать, с таким тиражом:
то ли в трудные годы в печурке сожжём,
то ли в дар поднесем папильотки
для морячки, солдатки, разводки.
нету лучшего дома, чем временный дом:
ежедневный автобус «гоморра — содом»,
и водитель — старинный приятель...

глянь — на крыше сидит наблюдатель?

По утрам купаю губы в шоколаде я,
Сном и трубкой провожаю корабли.
Это вечность. Это Новая Голландия.
(Ибо старую искали — не нашли).

Это капли набухают, труса празднуя.
Это дети копошатся и пицчат.
Это жизнь моя, сырая и напрасная,
Из покрытого смолою кирпича.

Бомбардир и господин соседней дворницкой
Поздним вечером сойдутся в домино —
И хрустит под их ударами, и морщится
Просмолённое, тугое полотно —

Парус, держащий наш мир, кредит доверия.
Жмёт, зараза, но привычен, как сапог,
Как ближайшая подвальная остерия,
Где в себе я адмирала превозмог:

Нынче нам, отставникам, не к месту чваниться,
Кружкой по столу стучать и лезть к огню.
Принимай же меня, Новая Голландия.
Наливай же мне, мин херц, еще одну.

По каналам, по задворочкам коломенским
Понесет нас, по темнеющим полям.
Надо, надо отдохнуть, и успокоиться,
И довериться воздушным кораблям.

Начинай. Мне уже не осилить четвёртой октавы.
Мне и так эта дудочка жизнь сократила на треть.
Как узоры на глине, на склоне белеют отары.
Я бы умер давно, да они не дают умереть.

Каждый день, просыпаясь, не мог восхищённого вздоха
Удержать, замерев, — и доньне, увы, не могу.
А всего-то, всего-то, казалось бы, — сепия, охра
Да зелёный листок на недолгом январском снегу.

Сядь на старый диван, продырявленный пулями моли,
Нацеди мне чайку да вчерашнюю почту проверь.
Чёрта с два напишу потрясенное бурное море —
Так и буду скупую слезой разбавлять акварель.

В жёлтых пальцах сжимая осколок забытого Крыма,
Чепуху, сувенир, безделушку десятых годов,
Так и буду валяться на старом буфете открыткой,
Обедневший потомок былых генуэзских родов,

Что, тетрадь открывая, фиксирует ветер, погоду,
И валютные курсы, и всё, что ещё предстоит
У Эвксинского Понта, где волосы слиплись от пота
Возле старого порта — дремотного входа в Аид.

Серхио Бойченко

Походкою хмельною,
Неверной — вдоль забора.
И голос за спиною,
Развязный и уверенный:
«А вот и наш Негоро!»
Нет-нет, я не Негоро.
Я Себастьян Перейра,
Торговец чёрным деревом.
Пока вы упивались
Изысканной строкою,
Пока вы наслаждались
Сенекой, Прустом, Кафкою —
Я грязною рукою,
Я потною рукою,
Я дерзкою рукою
Хватал за вымя Африку.
Я подносил вождям их
Отвар болиголова,
И ром вливал, как в топку,
В подставленные головы,
И вез в вонючем трюме
Невиданное слово —
Горячую похлёбку,
Кипящее глаголево.
А вы, брезгливо морщась,
Читали Бичер-Стоу,
С оливковою веткой
И канарейкой певчею.
Вы обличали рабства
Излишнюю жестокость

И, наградив посмертно,
Отправили на пенсию...
Я сочиняю танка,
Я сочиняю хокку,
Я сочиняю вирши
Из люрекса и латекса,
Но ночью — стоит рухнуть
В расстеленную койку —
Идет Великий Мганга,
И никуда не спрятаться.

Андрею Дитцелю

Чисто московские вещи —
Снег да возок расписной.
«С запада, с запада...» — шепчут
Девки за нашей спиной.
Всеми ветрами продуты
Лёгких камзолов рваньё —
Видно, постигли капуты
Языкознание моё.
Видно, мы зря поменяли
Бычий пузырь на слюду.
В нашем приходе, я знаю —
От кистеня не уйду.
Режут ножами парсуны,
Свищут, гуляют на все.
Были вы дикие гунны —
Так и остались досель.
Нам ли службист оголтелый
(Усики, пуговиц медь)
Едкий отвар чистотела
В каждой избёнке иметь
Всем указал? — Поневолё,
Пятна да чирьи сведя,
Песней тугой, броневой
Встретишь явленье вождя.
Лекции, тайные сходки —
Так и скрипим до сих пор.
Лишняя стопочка водки —
И начинается спор:
Щёки — пунцовее маков,
Дым дорогих сигарет,

Длани вздымает Аксаков,
Фигу — Грановский в ответ.
Друг-переводчик, затепли
Свечку в окне слюдяном:
Мы соберёмся, помедлим,
Что-нибудь переведём.
Спит переулочек узкий.
Спит полицейский фонарь.
Пахнет карболкою Русско-
Нижнесаксонский словарь.

К.Б.

Бумажный змей исчез, покинув тёплый дом.
Обрывок бечевы. Становится темнее.
Идут его искать — с фонариком и сном,
С горячим молоком, с баранками на шее,

И юная звезда, упав с небес ночных,
Мерцает светляком среди воды проточной.
Калитки старых дач, и кофе на двоих —
Прибежище любви и неги непорочной.

Каким тебя огнём сманить на берег тот?
Каким зелёным сном тебя увлечь, зазнайку?
И будет, как всегда, мяукать серый кот,
Без усталости ища ушедшую хозяйку.

Вернуться в этот день, зернистый, как творог,
Журчащий, как вода среди камней привычных.
Я улетевший змей. Я в небесах продрог
От белых облаков — от стражей приграничных.

Nie ustaję w napowietrznym biegu...
Czesław Miłosz

— О чём ты бежишь, утренний бегун в парке?
О чём неслышно рушишь воздушные арки,
врата света, встающие перед тобой незримо?
О чём возвращаешься, падающие листья целуя,
о чём волочит стопу, припадая слегка на цезуре,
бегущий рядом ризеншнауцер-сучка по имени Рифма?

— О тебе бегу, наблюдатель, с пятого этажа глядящий,
воздвигающий эти врата, откладываящий в долгий ящик
всё на свете, заслышав осипший тростник знакомый.
О тебе, даже и тогда не выходящий из дома,
ссылаясь на геморрой, на лень, на тёплое лоно,
когда мимо тебя пробегают твой истинный звук, настоящий.

— Обо мне? Не может быть. Не могу поверить.
Отвернусь от окна, уткнувшись взглядом в картины, в двери,
в засохший вереск.
Мне волнения запретили терапевт и знакомый сексолог.

— Отвернись. Но учти — больше о тебе не пробегу ни разу.
Не замедлю быстротекущее время, не дарю радость,
Что ты мог бы познать, следуя ритму моих кроссовок.

Заклинания Святогорского уезда

*...И если это место — край земли,
Оно не самый крайний край земли.
Мария Степанова*

1.

все залавки, запечки, задвижки,
все ухваты, горшки и углы,
ссыпки, схроны, комбеды, излишки,
тараканьих провинций углы,
первоклассники, приготошки —
возвращайтесь, откуда пришли.

стой, как перст, посредине равнины,
непроглядной, холодной, ночной —
свиток, свёрнутый из мешковины,
голос ветра — свисток костяной,
как дитя на конце пуповины
перехвачен струною стальной.

2.

да молчи ты. тут один вчера запел.
что осталось — и тебе не покажу.
тихий шёпот пограничья на тропе.
слева — чужь. пойдешь налево — пропадёшь.
это снег, но говори, что это дождь.
у мостков на переправе не дежурь.
просто медленно разуйся — и вперед.
перевозчик нынче тугрики берет,
а обменник по субботам — до пяти.
на фонарик. доберёшься — посвети.

3.

между собакой и волком, между светом и тьмой,
между зимней осенью и осенней зимой,
на окраине мира, где хлеб пекут,
наберу всей жизни на пять секунд,
когда падал — и не дали упасть.
когда засыпал — и не дали заснуть.
когда начинал — и не дали начать.
когда любил тебя.
когда не любил тебя.

на этом встану и буду стоять.
слово моё крепко, как образа.
слово моё хлёстко, как ёбтвоюмать.
ей, Господи, когда начну умирать —
вспомни и отведи глаза.

4.

лбом горячим упирался
в горы тёмного стекла
говорил что жизнь прошла

козлоногий арапчонок
углежог и плотогон
стих арине — «арион»

няньку вечно кликал мамой
за живот держась во сне
было много на челне

но иные напрягали
он же радостен и мал
никого не напрягал

5.

на соседнем хуторе
ветер оборвал провода
а электрик запил

электрический голос
повторяет последнюю фразу
за кем угодно

лучше слушай
тихий шепот керосиновой лампы

керосина осталось на сутки

запаса лучины — на двое

звёздного неба — на неделю

нравственного закона — на месяц

потом будет новая жизнь
имена и тени

придут и волки
числом девять

никто не виноват

ничего не делать

стоящий за окном театр провинциальный.
манишки выходной воротничок крахмальный.
то серых луж партер, то неба бельэтаж —
утеха старичков и юных секретарш.

закат не стоит дня. антракт не стоит мессы.
висящее ружье стрельнёт в начале пьесы.
меж действующих лиц — шести или семи —
затерян невзначай вдовец с двумя детьми.

в беседе он кряхтит, глядит себе под ноги,
и вспоминает, как, с цветами на пороге;
и, взятый автором навзрыд и наугад,
краснеет, кашляет и убегает в сад,

где встретятся на бис, вдали от наших взоров,
все мастера реприз и боги эпизодов,
где музыка навек и Чехов молодой
знай сыплет тихий смех из ложечки в ладонь.

СВЯЗИСТ I

вези в хамовники, к той памятной пивной,
где жизнь случайная над кружкой разливной,
где мебель сборная как сборная солянка,
и талалихина геройская таранка
летала листьями, кружилась надо мной.

шрам от ранения. нашивка за морковь,
в полях спасенную от ранних холодов.
крест третьей степени за альпы и кремону.
а здесь могла бы быть медаль за оборону
москвы-старушки от невидимых врагов.

идут, неслышные, за осенью — зима,
и даже дворникам приход их — дик, неведом.
а мы справляемся, с помощником-соседом:
два заклинания, сто грамм перед обедом,
звезда геройская и золотая тьма.

связист II

ты бежал по бескрайнему полю под свист базуки
ты беседовал с проводами беря их в руки
а теперь лежишь безучастный ко всем спиною
говори со мною

приходи к нам в ужас мы посидим спокойно
приходи в отчаянье тут у нас нет попкорна
разливное пиво душевные анекдоты
приходи ну что ты

я-то знаю все вечера твоих одиночеств
назовут связистом а дальше крутись как хочешь
жди пинков зуботычин команды флажка сигнала
обеспечь канала

частоту когда захочет бывало главный
попиздеть со своею любой своею клавиой
зажимай зубами крепче под артобстрелом
санитарку в белом

всё они судьбою вертят они тихони
боже морзе сын попов дух святой маркони
никому не верю точка тире две точки
словно мед цветочный

эту жизнь твою зернистую крупным планом
в предпоследний миг остановленную стоп-краном
покажу повзводно поротно побатарейно
если будет время

завалило снегом, снами.
день загадочен и мглист...
оставайся, мальчик, с нами —
будешь модник и стилист.

приспособа навесная —
приложенье к январю —
по дороге в капернаум
пригодится, говорю.

атавизм былого века
пусть волочится в пыли —
перепончатая вера —
помесь блуда и любви.

знай, бреди себе, прохожий,
и, покуда не воскрес,
ощущай озябшей кожей
злой прищур твоих небес.

В. А. Гандельсману

в этой жизни отдельной,
над невой, поутру
(истопник — оператор котельной,
массовик — интегратор-затейник,
литератор — гуру) —
крики чаек «к началу!»,
кверху занавес взвит.
много водки и крепкого чая.
ёршик утра. прочищены чакры.
голова не болит.

застывает обмылок
нежной плоти земной
среди пачек балетных, опилок
золотых, неглубоких могил
на кладбищах весной,
а для третьего акта
нет дыханья и сил.
то-то горькую пьют аргонавты,
и в ночном кабинете редактор
ходит, жжёт керосин.

бедной жизни затеи —
монплефир, одеон.
прыгай здесь. это родос. расстелен
голубыми снегами растрелли
у ростральных колонн,
и выходят на холод
из присутственных мест —
клык мелькает. вздымается хобот.
серп сверкает и падает молот.

театральный разъезд.

Герману Власову

а так? — уехать в город истра,
где будут дестра и синистра,
где будет девочка-синица
поддразнивать, антисемиться.
там желтый дым рядов торговых,
и белый свет палат столовых,
и синий туполева купол
с оврагом небо перепутал.

а так? — дни будничны, а празднич —
есть опрокинутые навзничь,
из голенища — самогонку
для лёгкой жизни салажонку.
и не мешай, молчи, катарсис, —
ты приглашаешь всех на танец,
когда мотив щекочет нервы,
противный, конченный, манерный.

а так? — став маленьким и плоским,
упасть за дальним перекрёстком —
и мир встаёт, цветной, подробный,
огромной картою объёмной,
пока, распятым и нетленным,
под чёрным полиэтиленом
тебя увозят в санитарном
путём пленительным и тайным.

как трубит поутру пустотельый горнист
испытующий музыку сфер
как вперяется взор бессловесен и чист
лучшей девушки ссср
к старшей младшая эдда приходит с утра
вопрошает какую-то чушь
на готических крышах звенят флюгера
от внезапно нахлынувших чувств
этой крови люблю говорю земляной
тяжкий привкус ворчание вен
и яволь я умру под твоею стеной
искупительной жертвы взамен
лишь румянец окрасивший щёки твои
на мгновенье отхлынет со щёк
и опять апельплац флюгельгорн соловьи
клятвы верности наперечёт
их шпацирен душа на весеннем ветру
сохраняя осанку и строй
этот матч волейбольный люфтваффе и ГРУ
это будет прекрасной игрой
без меня доиграйте радируйте счёт
отворяйте полуденный рай
по судетам аншлюс неуклюжий ползёт
в небе лёгкий летит юденфрай

Поломала жизнь, поломала,
вот уже слегка надломила:
она любит лётчика, мама,
я опять пролетаю мимо —
он крылами качает нежно,
он заходит в пике над домом,
столкновение неизбежно,
всё, прощайте, привет знакомым.

Она любит лётчика, мэра,
коммерсанта, майора МУРа,
убедить её не сумела
мировая литература,
что у нас в инвалидной роте
дух высокий, полёт нормальный —
видно, зря мы бились на фронте
революции сексуальной.

То есть в жизни иной, небесной,
наглотившись небесной дури,
мы, понятно, взлетим над бездной,
обнимая небесных гурий,
из одной тарелки с богами
потребляя нектар и манну,
но сначала — вперёд ногами,
а она всё с лётчиком, мама.

Остаётся заняться делом:
штурмом взять, изумить подкопом,
и на бреющем, как Отелло,
показать афедрон европам,

и, срезая углы и крыши,
лишний раз убедиться — боже —
всё равно он летает выше,
всё равно получает больше.

Стихи из Феодосии

То море не давало спать, то лунный луч бродил по саду,
то тень ложилась на кровать, напоминая мне Кассандру,
то звонко капала в поддых, вилась, судачила, шумела
вся свора бабочек ночных, живая клинопись Шумера.

И, засыпая, я проник меж трав сухих, вдоль ночи длинной,
и мой хитиновый двойник взлетел над бухтой Карантинной,
где, опустив сравнений ряд, расталкивая мух гумозных,
детальным зреньем небогат, я видел только воздух, воздух.

Так, наступающей зиме не придававшие значенья,
мы оставались на земле — членистоногие кочевья,
личинки новых холодов, кропатели стихов и прозы
и пролагатели ходов в пластах старинной целлюлозы.

А там — лови, сажай в эфир, перечисляй латынью праздной,
ботаник, мальчик, новый мир, светловолосый сын неясный —
ты тоже ночью не заснёшь, взлетев над тем же волноломом,
пройдя, как чёрный узкий нож, горячим воздухом знакомым.

теки водой не поминай обид
круги исчезнут ветер налетит
и стихнет и тебя не потревожит
и взламывая время сургуча
прочтёшь письмо и говоришь ничья
вода не хочет а земля не может

теки водой приснись кому-нибудь
в день пасмурный как медленная ртуть
в день солнечный как разрешение зноя
то что уже не может тут не быть
не капать не журчать не растворить
знобящее ни доброе ни злое

снимай усталость другу и врагу
пускай стоят мычат на берегу
на языке неведомого стада
не забирай оставь им это всё
глянь мельница заденешь колесо
и вот скрипит вращается как надо

пусть на мосту пролегшем над тобой
стена на стену каждый рядовой
зачинщиков мелькание и крики
пускай в тебя сливают нефть и яд
и в зеркало с высот своих глядят
два новгорода нижний и великий

45-я («Прощальная»)*.

**Из дневника Лайоша Эрденьи,
коронного судьи магистрата Шопрона,
музыканта-любителя**

Начиналось с бессонниц, с невыплаченного жалованья,
С дыма табачного, заменявшего питье и еду,
С мысли «уйду». Но чья рука не дрожала бы,
Вздымая ввысь дирижерскую палочку, —

«капельмейстер, дуй!» —

Дуй, капельмейстер. Сотня душ с домочадцами,
Словно тени дантова ада, стоят за спиной.
Нет, светлейшему князю Эстерхази нужен намек иной,
Горше, злее, отчаянней.

Оттени белизной трансильванских снегов синеву виска,
Собери, словно Ной, в ковчег этой музыки — парами —
Божьих тварей, вооруженных смычками. Отправь их искать
Правды и справедливости в Паннонии с ее черноглазыми паннами,
В Богемии с ее девушками из стекла, как стаи стрекоз,
В России с ее июльским грохотом гроз,
В Лапландии, куда последней доходит любая весть, —
Но не здесь.

А светлейшему князю сказали — капельмейстер готовит сюрприз.
Сказали — обхохочетесь. Сказали, что трижды на бис —
Ещё не предел. Князь отдувался, тихо пердел,
Млел, поглаживая указательным пальцем левой руки
Вторую пуговицу на жилете с особенно крупным бриллиантом.
Дети-ученики

Знали — это признак особого благорасположения,
редкого при дворе.

В октябре

Ударил ранний мороз. Съезжались кареты, с хрустом ломая наст.
Старший камердинер, тугой, лоснящийся педераст,
Руководил суетливыми стайками пучеглазых слуг,
Время от времени звонко шлепая их по заду.

Слышался первый звук
Настраиваемых инструментов. В зале успокоилась гидра, уселся
стоглазый колосс.

Началось.

Ярче, чем обычно, отражались огоньки свечей в духовых
Инструментах. Гости от восторга возводили глаза к небесам.
Перейдя на первую пуговицу жилета, Светлейший и сам
Громким шепотом мучал соседей: «Неслых-
анный успех... Йоська-то-мой-каретник — каков?!
Недаром девять лет у Святого Стефана,

да пять — у венских жидков!»
Соседи терпели шепот. И вот, наконец, — финал.

Первая виолончель встает, берет инструмент,
Задувает свечу на пюпитре, уходит. Сюрприз, какого не ждал
Никто. Князь хихикнул, потом чихнул. «Множество лет
Здоровья князю!» — нестройно прошло по рядам
Вместе с хихиканьем. Но вот — второй, третий — а там
Каждый такт, каждый миг, вырывая из ткани света — по одному
Кусочку, одной душе, унося их во тьму
Времени, в бесконечный поток смертей,
В газовые печи для любимых твоих детей,
Старая Европа, — холодно ли тебе, горячо?

И когда капельмейстер поднял руку с палочкой над последней,
горящей пока свечой,
То на каплю света набросились тени, как на лакомый

Кусочек плоти слетается по ночам воронье.
Это музыка умирает.
Это кончается время твое.
Не было поводов для улыбок.
Многие плакали.

** Соч. Йозефа Гайдна*

Из книги «Небо для лётчиков»
(2008)

[* * *]

я говорит салтыков-щедрин
зверь обличитель зла
хочешь прорваться звони один
звёздочка треск ноль два
сотни томов восковых неправд
прадед секунд-майор
радуйся имя твоё виноград
на языке моём

я продолжает тулуз-лотрек
средней руки горбун
я только в эти холсты одет
в эти штрихи обут
код мой магнит мой на карте крап
шулерский мой приём
радуйся имя твоё виноград
на языке моём

гроздью корми оплети лозой
чтобы глядеть в зрачки
не отрываясь и по одной
строчки мои зачти
писано ощупью наугад
сунуться рылом в калашный ряд
крикнуть в дверной проём
слышишь ли пастырь овечьих стад
слышишь садовник идущий в сад

радуйся имя твоё

[* * *]

Полине Филипповой

приходит зима, уходит зима, приходит,
вот и едешь туда-обратно, как хоббит,
надеваешь траурный воздух мехом наружу,
думаешь: «сдюжу или не сдюжу?»
впрочем, думаешь это другими совсем словами,
какими думают коми
или саами.

водитель снимает перчатки, ключ вставляет, греет,
не задумываясь, как лишь человек умеет.
голубь — пешком на свалку, собака — рысью к дому.
кто сказал им, что надо так, а не по-другому?
то-то всегда пугала скульптура «скорбящий гений»:
«жизнь животных» откроешь — глядь, это «жизнь растений».

что ли переверни подушку, выверни наизнанку
куртку, полюби безответно красивую лесбиянку,
от природы скромник, дамам заглядывай в вырез
платья — и попадешь в первый небесный выпуск:
горчаков — в министры, кюхля — в курную хибару,
я же стою на снегу, за всех один погибаю.

[шкатулка]

Максу Кучеренко

вышел из дому, шёл по переулку —
с твёрдым панцирем, с мягким животом.
знать, попал в музыкальную шкатулку —
не вернулся ни в этот, ни потом.
только что-то осталось на комодке.
что-то тикает, звякает извне —
то ли фото с улыбкою на морде,
то ли почта с сумою на ремне.

иногда, словно джазовая тема —
торможу ли, туплю ли от жары, —
возникает, расталкивая тени,
напевает, смеётся, говорит,
просит водки и снова умирает.
(вызвать мастера. вставить новый чип.)

люди движутся. музыка играет.
люди падают. музыка молчит.

[* * *]

перемешанная с числами
мандельштамовская нота
над полями да над чистыми
smoke on the water
в полдень к изваянью фаллоса
опускать монеты в кружку
помнишь саша улыбалась нам
и сосала сушку
словно фоточка нерезкая
на шоссе лежит у края
гой да жизнь замоскворецкая
рыба заливная
пахли мёдом и пачулями
сны и родинки на коже
под собой страны не чуяли
да и нынче тоже

[* * *]

всё забыть, и по второму кругу:
воздух горше и плотнее к югу,
вот и тьма сгустилась грозовая,
харьков, запорожье, лозовая,
здесь меня когда-то хоронили
те, со вкусом мёда и ванили,
я лежал на чистом и казённом,
наслаждаясь местным чернозёмом,
и неважно, что иного века,
что жидовской крови злая мета, —
то-то под курганами веками
скифы пополам с железняками.

попрошу старинную подругу:
проезжая тулу ли, калугу,
звоном поздним, землемерной цепью
грянься оземь — и лети над степью,
как летают птицы без названья
над непрядвой, доном и назранью,
как сменил докембрий — януарий,
расскажи в последнем мемуаре,
расскажи, как мы с тобой играем,
разлетись в тетради юденфраем —
кровь во рту и привкус купоросный
маленькой войны победоносной.

[* * *]

небо для лётчиков, море для моряков.
ходят кругами, прикармливают войну.
а до земли, между прочим, недалеко:
шаг в глубину.
пой кирпичные своды, табачный дым.
в образцах не смешивай глины слои.
не давай на поругание свой хитин,
строки свои.
помни: ты жил полмиллиона лет,
проживёшь и ещё, раковина, трилобит,
их расхожая смерть не поёт тебе
и не болит.
воздух — для ангелов, воду взял рыбнадзор —
вон на моторке ночью летит совой.
а позвонки земли, время и мезозой —
для тебя одного.

[точка]

в ночной возвращаюсь дом
душа моя точно птица
летит над левым виском

имитирует лай собачий
перебранку крик за окном
она пьяна не иначе

есть точка на трёх ветрах
её чуть надавишь пальцем
и исчезает страх

душа моя тварь перната
утешай меня утешай
что примат не убьёт примата

[* * *]

Е.К.

позвонила бережно
постучала робко
на двоих у нас одна
божья коробка
с мебелью некупленной
с гвоздикой от моли
одеялом кукольным
укроемся что ли
божья коробка
ты лети на небко
где поёт-старается
анна нетребко
поёт колыбельные
незнамому богу
«положу тебя в ладонь
накрою другою»

[* * *]

мы легли на грунт, — говорит, — мы легли на грунт.
наша жизнь — морзянка, наши стихи — враньё.
не сочти за труд, — говорит, — не сочти за труд,
передай, что это всё — во имя её.
и в газету «правда», свёрнутую в кулёк,
положи ей ну хоть пару моих наград,
ведь она — ребёнок, девочка, мотылёк,
это злые люди всякое говорят.
постучи наверх, — говорит, — постучи наверх,
там механик, он ближе к богу, он завязал.
мы легли навек, — говорит, — мы легли навек,
я ей что-то важное не сказал.
не кричи, не трусь, дыхание экономь.
ты моложе — может быть, суждено спастись.
передай ей наше летнее за окном,
наш рожок сигнальный звóнок и голосист.
степь да степь кругом, степь да степь, — говорит, — кругом,
путь далёк лежит, кончается кислород,
в той степи глухой, — говорит, — в той степи глухой...
то ли бредит, то ли на ухо мне поёт.

[фря]

если лежишь в жару, не проси воды —
будет узкий зрачок, нитевидный пульс.
я попросил, и видишь — где я, где ты.
в ведомстве берии делают белые льды,
ими врагам устилают полярный путь.
там из мрамора с золотом унитаз,
но не для служащих — только для самого.
там убивают в такт, отсылают в тасс,
а иногда там светится госзаказ
в тайном окне, но не разглядишь его.
я полюбил оттуда секретную фрю,
маленькую еврейку на трёх языках,
но у меня в роду кулаки, зека,
зубы плохие, дёргается щека,
я по ночам невнятное говорю.
жёлтая жизнь, крамольная карамель,
ты, леденец на палочке, петушок,
ты, под луной лежащая нагишом,
ну, напиши донос, отхлебнув боржом,
в ведомство берии — и повернись ко мне.

[охотный ряд]

окорочка, подбрюшья вокруг, подглазья,
ливер, межреберье, прочие безобразья.
лёгкого зацепи, кума, с требухою —
большого я на этой земле не стою.
а мясники похаживают по ряду,
из-под полы показывают что надо,
гоголем ходят, ходят лесковым резким,
трубочками попыхивают с достоевским.
вы отрубили всё, и остались крохи.
жадные до творенья слетелись мухи.
ходят над дном туземным. роятся стаей.
обло моё. стозевно моё.
и лаяй.

[reformatio]

таборит из табора, гусь из гуситской своры
там, у гроба, плакали, ну а теперь — корят.
но зато у их красоток такие формы,
что моравия — просто жалкий протекторат.
ян из желива, старый вацлав из будеёвиц —
все твои маршалы пали, хоть волком вой,
ты один, из камня высечен, стой, наёмник
века, под плевками, на площади, как живой.
помнишь, шли с домашним пивом и ветчиною?
лишь лесные ягоды брал — детей дары.
начинали зимой, а как дело к летнему зною —
отступали по влтаве, оглядывались на костры.
ты горел в одном, открыт толпе, как на блюде
золотая чайника, маленький и нагой.

а туристка просто хотела сюда вернуться,
вот и кинула, дура, щепочку в твой огонь.

[царевич]

плотно ли, хорошо ли сидит на тебе январь?
как на тебя шили, сидит как влитой.
красные кровяные, киноварь, государь.
волоски, эпидермис, маленький мой.
три дня как народился в голубом терему,
в корпусе акушерском, рифмохват-сумарок,
а уж дрожит заранее — возле виска ему
жестяной пропеллер выполняет урок.
так всю жизнь твою будет остроклювый сапсан
с неба следить добычу — только мышью и лечь,
прижаться к земле, к скале, к эпидермису, к волоскам,
к папеньке твоему дамоклу, тебе несущему меч.
все у вас в роду воины, ты один подкачал,
некрасив, невелик ростом, нелюбим лошадьми.
папенька на всякий случай говорил с палачом,
а о чём — знают красные кровяные твои.
то-то тебе приводят, каких попросишь, блядей,
моют заморские фрукты в проточной воде,
и радиостанции углича транслируют целый день
колокольную музыку по заявкам нквд.

[* * *]

с неба тревожный весенний свет
под ногами вышивка крестик гладь
может быть за каждым приходит смерть
как из школы родители забирать
стоит она на трамвайном кругу
созывая ветер со всех сторон
одноклассники машут и вслед бегут
воробьи галдящие среди ворон
бесполезно просить погулять ещё
лужи грипп мороженое все дела
послезавтра устный потом зачёт
говорящий куст посреди стола
кому наливают вино не мне
под трамвайные звоны издалека
о ком говорят во втором окне
с занавеской оборванной с уголка

[alma]

что глупых клятв на склонах воробьёвых,
что нежностей в студенческих альковах,
что игр в реке, где плещутся лещи...
а между тем профессор кастанеда
нам лекции читал про кости неба,
про тонкие прозрачные хрящи.

он говорил о предопределенье.
на старческих щеках сквозило тленье,
сансары скрежетало колесо,
и с нашего огромного потока
лишь катя н. сидела одиноко
и кратко конспектировала всё.

утратив гибкость, старый и отвратный,
упёршись в слюдяной и силикатный
костяк вещей, забвения ища,
листай назад и вспомни эти клятвы,
и девичий затылок аккуратный,
и нежный вкус копчёного леща.

я тоже вспомяну. слезой умоюсь.
здесь ныл петрарка, здесь вопил камоэнс,
вон лики их таращатся со стен,
где на закате — ангельское пенье,
а на доске, меж прочих, объявление:
«возьму списать конспекты кати н.»

[downshifting]

езди по провинции, говорит, ездн.
там изумительная пыль до небес.
хлопает форточками в каждом подъезде
маленький город тому, какой ты есть.
пошурши плацкартами, поувлекайся
у осколка зеркала бритъём лица.
если бы не очередь в билетной кассе,
то и жил бы так, от листа до листа.
или близ города хвалынска, что ли,
направляясь в сонную чухлому,
выйди из автобуса в чистом поле,
заведи протяжное «повем кому».
утренний джоггинг во дворе с бомжами.
мощный дауншифтинг выходного дня.
на пустырь заветный, ой да за гаражами,
принеси позавтракать.
полюби меня.

[НИКОЛАЙ]

как отступят морозы
рисовать на земле и метать наоттяжку с руки
эти ножички палочки жвачки плевки
или камнем в оконное метить стекло за
неимением реки
запасайте карбид и картечь
эта стружка аж искры летят называется магний
это скат от камаза его полагается жечь
эта русская речь
на растопку для пятого класса нужна мне
фейерверки ещё далеко
молоко
на губах не обсохнет не надо
если каждому первому в рай
шаг вперёд и выходит из общего ряда
чемпион николай
ни зубов ни бровей
рыжий плут он лопочет как заяц
он блатные поёт
пробуждается зависть
в пухлом сердце моём
а потом
как в начале потопа
в октябре подступают дожди убирают бельё
солят квасят и запах укропа
отплывает всё дальше европа
нам-то что до неё
белым снегом сыграем
с первой ноты начнём
духовые сначала а скрипки потом
ломанусь в грязноватый небесный проём
назовусь николаем
может быть и поверят а там разберём

[никтолай – 2]

приходил к николе вешнему в гости никола зимний,
весь от холода синий.

приходил к николе зимнему в гости никола вешний,
весь такой нездешний.

долго сидели,
зависали.
было у них веселье —

договор подписали,
да потеряли,
но всё остаётся в силе:

когда они вместе придут к нам в гости —
кончатся времена радости,
наступят времена злости.

[лезвие]

знаешь, такой: деревянные тротуары,
глиняные мосты, петухи перед рассветом.
«доброе утро», — тебе говорит самара,
«добрый вечер», — саратов,
и где-то сбоку — лезвие волги,
отрезающей от тебя по кусочку.

очень скоро останутся только кости.

очень скоро люди всё на свете увидят,
и глаза у них за ненужностью исчезнут.
и когда твой череп найдут в подвале
на краю оврага,
археологи скажут, ощупав: «в передней части —
два отверстия, напоминающие пулевые.
видимо, выстрел
и контрольный выстрел».

[de rerum naturae]

Е.К.

почему-то болгары кивают в знак отрицанья,
тайцы считают до десяти, разгибая пальцы,
лемурийцы ходят, переступая с носка на пятку,
заполярные люди тают от быстрого света.

тит лукреций об этом рассказывал карлу линнею.
карл линней об этом рассказывал карлу марксу.
тот за утренним пивом поведал гитлеру с троцким.
все они уже умерли, а мы не успели родиться.

засыпай, человек, которого не существует.
спи в объятьях меня, придуманного тобою.
пусть стучат за окном и поют на гортанном хеттском
медленные таджики с пёсьими головами.

[москва]

1.

случайные ли сыпались слова
почтовые ли голуби летали
в энергонезависимое-два
из холдинга «весёлый пролетарий»
порой крылом заденет по воде
из чкаловского через подмостовый
и вскрикнет хлыщ в усах и бороде
кабацкий завсегдатай из «асторий»
тумана ли рассеет пелену
хмельная и разгульная семейка
шатаясь по бурьяну и репью
на улице полины осипенко
а то ещё зимой когда скуёт
когда в унтах с орудием подлёдным
неведомое синее снуёт
над фляжкой и котелком походным
сиянием высотные дома
безумцами увешанные шпили
сугробы и густая бахрома
о князе благоверном данииле

2.

через воздух лёгкий и ледяной
со стороны неглинной
дождём еле-еле вначале капая
шестикрылая и шестилапая
заходит молниями сквозя
гроза
я на трубной
потом
на цветном
отступаю крошу ей за домом дом
деревом и штукатуркой шурша
грифелем карандаша
по бумаге в начало мая её
приманиваю
над асфальтовой гладью речной
тёмный зверь неручной
зависает ворочая
запятыя отточия
и ты где-то вовне
в переулке малом головине
открываешь окно а там
дождь по листьям
жизнь по местам
смерть по пятам

[* * *]

Яне

снег забивает стрелку моей стране.
белым стекает воском по декабрю.
«это ли пустота?» — говоришь ты мне.
«это ещё не полная», — говорю.
снег забивает стрелку. часы стоят.
импортный предсказатель сурок — подход.
мы возвратимся в тот же закрытый ад,
в наш приполярный атомный городок.
снег наступает, катится напролом.
мы что ни день ложимся под колесо.
тикает, тикает нежности эталон
в белой палате времени и весов.
вот мы и живы, пока не придут извне,
не перекроют газ, не отрубят свет.
«это ли пустота?» — говоришь ты мне.
«да, вот теперь — она», — говорю в ответ.

[рыбалка]

нет наливай
конечно не жалко
но не теряй лица
и не забудь
поутру рыбалка
ловля воздуха на живца
знаешь
его всё меньше
он в самых
золотых
потайных местах
тихо дышит в воздушных ямах
слабо мерцает в багетных рамах
грудь в крестах
голова в кустах
помнишь ездили за калугу?
щучка — во
и подлещик — во
так подтягиваешь подпругу
так собираешь себя в дорогу
умбрия умбрия понемногу
сиена сиена поверх всего

[модель человека]

1.

истинно, братие, близ есть, при дверех.
в небесех знамение, на стенах баша знаки.
егда рече мир, внезапно ста брань.
дали по штуке на рыло, обещали по две.
сие перво суть, паки же иное.
восста языцы и слуги мехмета.
вопрошены быв, яко веруют, рекут невнятно.
петрович, сука, занял стольник и не вернул.
свет дают в день на четыре часа.
газ дают в год на четыре рубля.
жить дают вглубь на четыре шага.
добро, протопоп, ино ещё побредём.

2.

тут дверь была закрыта кто закрыл
виварий пуст а кто недоглядел
вот это кто засунул в автоклав
всех бя поувольняя говнюки
будильник ставил чтобы раньше к вам
как чувствовал ещё на полчаса
ну что качаясь с пятки на носок
что пальцем ковыряя в голове
всё знаю лаборанток по углам
не напасёшься пять ушло в декрет
кто на втором участке наблевал
профессор поскользнулся с кислотой
иди себе по внутренней тюрьме
переступая с пятки на носок
резиновый сжимая автомат
пощёлкивая счётчиком внутри

3.

физика твёрдого тела дай обниму
химия жидкого света а ну постой
синего ещё взора добавь ему
и на родник на стрешневский за водой
в этот овраг на лыжах вперёд звеня
прутиком ставил не заплутать бы крест
слышишь летящий там впереди меня
дай оглянись что родом из этих мест
глупый наш север задним умом высок
то-то его качают по трубам влёт
он им на умном юге расскажет всё
всю им откроет правду
или соврёт

4.

«а у вас автомат газированной воды не даёт
я опустил а он не даёт
вот»

[ч/б]

ляг скорее, зима, подоткну тебе одеяло.
будешь ворочаться — спою тебе потихоньку.
наши дети двенадцать лет не видели снега,
позабыли скиинг энд скейтинг.
там вдали метель — лети, лети, лепестричка,
медсестра дала валидол, лепесин в дорогу,
там ещё керосинка, лепет под водку, дуэли
на расстоянии поцелуя.
ляг скорее, зима, ну что тебе всё неймётся,
широко раскинься, вольно — голова в магадане,
левой ногой докоснись до чермного моря,
правой ногой — в мурманск.
нежно возьму тебя в начале урала,
ни одного туннеля так не оставлю,
прошепчу: «ни шагу назад — за нами столица,
за окном минус сорок».
я купил линолеум, гвоздиком покорябал.
подписал «NN, мастер линогравюры».
ляг скорее, зима, пусть тебе приснятся
чёрно-белые реки.

Из книги «Поражение Марса»
(2012)

[пирке]

на сосновой даче игра в лапту
сын наркома в белом стоит цвету
хочет рыженькую вон ту

теплоход плывёт по стеклянной реке
два гудка его два укола пирке
малый шрам на её руке

машинист поёт и уходит в рейс
старший мастер звонко стучит о рельс
послезавтра его арест

человек идёт вдоль проезжей любви
на закат на левый берег невы
он в тени своей головы

у собаки боли
у кошки боли

у страны моей заживи

[replay]

я говорю метель а ты не веришь

я напеваю снег а ты не слышишь

ты знай себе скользишь по тротуарам
на маленькой берёзовой дощечке

всё валится всё под уклон слетает
и тенькают серебряные пули

она москва её лепили бесы
где шаг шагнёт подземные провалы
где матюкнётся там холмы такие

что по пути домой зайди на рынок
купи грудинку и горох для кати

я говорю а как горох о стену

[below]

проснёшься — на листке туман
и на виске туман,
привстанешь на мыски — туман.
не по-людски — туман.
проснёшься — тихо, как в раю.
но громко, как в аду,
тупое сердце-какаду
стучит «не узнаю».

к обеду время разойтись,
туману — разойтись,
напра-налево разойтись,
навек разойтись,
но нет того, кто мог сказать
иные времена
и фразу «влажная страна»
по капельке связать.

тогда мы проросли бы вниз,
как нефть — стволами вниз,
все улицы вели бы вниз,
огни горели вниз.
овраги, полные воды.
плывут плоты домой.
шумят под каменной москвой
подземные сады.

[радио]

осенью раскладывали по отдельности
письма, письма, страховой полис
и играли то, что нашлось в холодильнике —
битлз, криденс и роллинг стоунз,
а зимою надо бы на кухне за полночь
письма перечитывать, пить вино с ней,
задавать вопросы: «что такое запонки?» —
«это для манжет, но их уже не носят».

говорят, что ходит меж пространством и временем
медленный трамвай на четверо суток.
в нём простая искра добывается трением,
чтобы разогнать подступающий сумрак.
в нём ещё играет чуть слышное радио
из смешного ящика с надписью «ригонда».
в нём ещё чайковский ездил к вивальди —
так и появились времена года.

[вертоград]

сон напоминает его игра —
вентиляторные дуют ветры.
что ты заладил: жара, жара —
это, говорю, вертоград пресветлый,
зной, перетекающий из вчера
в медленное завтра, как полк ракетный
возит на параде, под шум офсетный,
толстого железного бога ра.

это дирижабль пролетел над мостом,
на борту имея клинописный лозунг.
это всё имперское входит в дом,
длится, не кончается — потом, потом —
жжёная резина, стоячий воздух.
в глиняных костюмах, в песке речном —
та же благодать, что в виноградных лозах.

умираешь? — впрочем, ты всегда мельчил,
сочиня ненужное, кривлялся сзади.
сложными движеньями достают мечи —
лучший балетмейстер год их учил.
дай на церемонию взглянуть. не кричи.
не спугни забвение, бога ради.

[аниматор]

днём заходит и объявляет обед.
вешает знак «магазин закрыт».
из-под полы, ссутулившись, достаёт.
— это психея, анима, — говорит, —
слышишь, в кульке шебуршит-поёт?
нарежь потоньше, чтоб видеть свет.

плачешь, как режешь лук,
а никуда не деться, кромсаешь ломоть.
другу бы отказал, если просит друг,
а тут хозяин, в душу его язвить,
в рuce его владычной — живот и плоть.

им — светить, а нам — отбрасывать тень
сквозь эти тонкие, тоньше, чем слюда.
снова и снова приносит. и как не лень.
будь проклят день,
когда аниматором шёл работать сюда.

думал, детишек танцами развлеку,
взрослым разные фокусы покажу.
новая смена в мясном цеху —
слышишь, поёт, скулит, подобно щенку,
светом течёт по золингену-клинку,
по моему ножу.

[*]**

небо раскрыло свой зонтик
над молчаливой толпой.
девочка, здравствуй, я зомби,
даром что тихий такой.

вот я руками цепляюсь
за молодую траву.

вот я встаю. улыбаюсь.
делаю вид, что живу.

[пар]

славно поют мертвецы стимпанка,
выпуская в медные трубки нагретый воздух,
укрепив оболочку на круглой раме,
поскрипывая шестернями и штуцерами,
поигрывая клапанами,
неся на носу фигуру в стальной панаме.

нас, местных жителей, эти звуки заворожили,
вот и стоим мы за гаражами,
железной стеной отгороженные от жизни.
нас позвали, а мы и не возражали.

славно встают мертвецы стимпанка
медной округлой суммой, початком голым,
в усиках-паутинках нитей и лестниц,
в громе стрекоз, большеглазых железных вестниц,
из-под земли, пропитанной солидолом.

местные жители замерли в напряженьи,
с медными лбами,
с открытыми ртами.

чудо! — как они воздух секут винтами.
чудо! — как стреляют на поражение.

[***]

радуйся отрок весна в питере
небо-то небо как свежий надрез

ветер погнал поезда на вытегру
электрички на сестрорецк

бойся отрок ночного полуострова
первого пуха над верхней губой

сна розоперстого и алоустого
к тебе приведённого на убой

памяти бабочек генделева

1.

[sancho]

дон-кихота вчера схоронили
я санчо панса
мне бы поесть и поспать
увы
вот и не любят меня мотыльки фриланса
кем-то выведенные для москвы
те
привыкшие тихо притворно плакать
те
что любую минутную свою слабость
объясняют бабочками в животе

перелётные мотыльки
опуститесь на моё брюхо
лучший отдых — на этих холмах
крещу вас
во имя святого духа
в моих желудочных закромах
зря ли я пиво брал за четыре гинеи
из свиных колбас огород городил
всех вас
всех
отныне зовут дульсинеи
это имя любил
мой господин

2.

[картон]

ты будешь жизнь, я буду нищета,
и мы ещё кого-нибудь родим,
и на краю кровати будет город:
картонное подобие кремля,
мосты из спичек,
метрополитен
под одеялом.
буду побираться
в подземном переходе
под подушкой,
и целый день ты будешь рисовать
моё лицо на спичечной коробке,
чтоб не забыть:
меня так просто спутать
с другими нищими,
пока ты — жизнь.

3.

[пиркс]

утром ступаешь с кровати
как будто с пирса
в воду существованья белковых тел
прямо-таки
в дознание пилота пиркса
в прочую социальную мутотень
вредная для здоровья работа в подвале
холод и генетический кавардак
ты ещё должен тысячу моей allele
напоминать али отдашь и так?
и ещё
возможно тебя расстроит
мы вчера наблюдали на камере «бэ»
как поутру женщина-твой-андроид
к спящему поворачивается тебе
и говорит
я любила тебя наверно
мы с тобою прошли через года
но у тебя под кожей
синие вены
подозрительно
напоминающие
провода

[via appia]

винная лавка, увы, с десяти закрыта.
купим ли? — гадали римляне по полёту птиц,
а я — по тебе, аурелия аурита,
девочка с тысячью лиц.
перелистывать все — жизни не хватит,
вот и довольствуешься самыми милыми, двумя-тремя,
одним — на рассвете, скажем, другим — на закате.
некоторые говорят, это и есть семья.
какое там. встречаться по четвергам в таверне,
когда она приезжает на курсы изготовления новостей,
на сеновале в свежескошенной зеленой люцерне,
в виноградной лозанне, вне городских стен,
или в съёмной корпускуле — ну что ты, что ты,
что ты плачешь, глупенькая, времени до десяти полно,
это седьмой этаж, только птицы высшие сефироты
заглядывают в окно,
только интеллигентским розовым слабым анжуйским,
этой разбавленной кровью, отгородясь
от иной, густой, простонародно-жуткой,
словно надпись над лавкой текстиля «шуйская бязь»,
мы и живы. нам ноздри травинкой щекочут боги,
когда всё исчезает, и вровень стоит с лицом
золотистая пыль на аппиевой дороге,
случайным поднятая колесом.

[***]

адели ц.

жил в краю пожухшей травы,
над сухой рекой.

год добивался женской любви.
полюбила — ушёл с другой.

победил в состязании колесниц —
отказался от золота и венка.

молодым увидел в зеркале меж ресниц
себя-старика.

наслаждение — счастье — смерть.
эта цепочка знакома нам.

боги могли бы и песню спеть —
нет, окликают по именам.

катись, катись, камень, с горы,
пока я жив.

да не скажет никто,
что до конца игры

доиграл сизиф.

[прогулка]

значит, думала, я любил тебя и взаправду?
не смеши мой нефрит и свою миому.

как «что делать с письмами?» — передай их брату,
а значки триумфатора — четвёртому легиону.

много было разных нот в тростниковом стебле.
истончились перегородки. дошло до хрипа.

познакомься с галлом — они искусны в ебле.
впрочем если припрёт — то и конюх сойдёт, агриппа.

перед сном прописали прогулку. сверну налево —
озерцо блестит. рыбаки починяют сети.

смерть лохматой собакой прыгает из-под колена,
убеждая, сводня, что я не один на свете.

так вот скажешь, что не любил, а прогулка длится,
и как только устанут ноги, поймёшь: неправда.

особенно, когда вдоль дороги мелькают лисы
в мелких листьях зелёного винограда.

[гелиогабал]

лети с огнём — вернись с ответом.

лети туда — вернись назад.

умирающий меж островов, посреди земель.
голубою рябью подёрнут его живот.
пепел его брошен в воду, и он плывёт,
как при жизни боялся и не умел.
те перед ним, прежние, рождены для войн,
он же записан в смерть, как в гвардию, с первых дней.
в колыбель к нему — золотую погребальную маску его —
пальцами ощупывать, привыкать,
примерять на любовников, слуг —
ну полно, полно уже, антонин, не смешно —
какой там смех.

лети внутри — вернись снаружи.

лети орлом — вернись змеёй.

проведут пером — у всех мурашки, кроме тебя.
каждый хоть раз говорил во сне, но не ты.
обойдёте без чистоты, без красоты.
тыльная сторона ладони — смерть,
поэтому линий нет.
даже жрецы не знают — в перчатках спит.
а если взлетает во сне,
начальник стражи пускает стрелу в белый свет —
не стоит летать тому, кто мёртв.

лети плевком — вернись дыханьем.

лети стрелой — вернись мечом.

чёрный камушек светлеет изо дня в день.
выцветают глаза, поют позвонки.
у кого больше любовников, чем у всех,
кто наш сладкий сирийский хлеб,
золотистый наш жжёный сахар? —
твердят льстецы.
просто ночью приходит гвардейский полк,
палатинский волк,
ты четыре года мёртвый, теперь умри,
я с рождения мёртвый,
верните меня себе.

*лети звездой — вернись астартой.
лети одним — вернись другим.*

[***]

кате ракитиной

парикмахерская жизнь
где за пазухой у парок
воздух-к-ножницам дрожит
пряди-в-воздухе купают
перережется вот-вот
летний день прозрачный долгий
золотую пыль несёт
в град саратов из-за волги

вот крупичатый калач
в крупном маке лихорадки
весь набор тебе горяч
для туриста без оглядки
а какая боль была
да с годами попустила
помнят в доме зеркала
и небесные светила

в огороде ли нарву
огурцов тебе укропу
вспомню эпоса зарю
вспомню южную европу
или к берегу пойду
вечно кто-нибудь причалит
«калимера» — говорю
«калимера» — отвечают

здесь не море но вода
так сладка как бы морская
то сжимая иногда

всех в горсти то отпуская
как падучую звезду
как неведомую птаху
реки к рекам
крест к кресту
к персти персть
и прах ко праху

[inganno]

лене горшковой

нарисуй мне малую обманку
для вожденья носом по холсту:
бабочку цветную иностранку,
галку проливную темноту.
на углу проломной и музейной
завалила тышлера братва.
из-за стёкол — шелест бумазейный,
школьное «раз-два».

раскрутив стальные карусели,
оторвали воздух от земли.
на причёску пышной дамы сели.
шляпы приподняли: «извини».
нам она немедленно знакома,
нам она далёкая родня
по постановленью совнаркома
от второго дня.

нас ещё засудят и обяжут
в здании верховного суда
выплатить обиды эрмитажу
и поклясться в смерти навсегда.
но пока дымится в небе пьянка,
карусельный бог вершит подъём
и видна прекрасная обманка
на холсте моём.

[***]

остановись. послушай свысока.
не всё тебе платоны и декарты.
я новичок, я гость издалека,
я бедный странник без кредитной карты.

я рассыплю, меня легко в горсти,
без прозвище, без звание, без имя.
слыхали вы, как тут поют дрозды,
где за спиной крылами — амнезия?

поспеет к кофе радостный пострел
глотать газетный спорт и умный кризис.
его ещё не убрана постель,
а он уже литературный критик.

но утром — птица лёгкая строка,
но листьев тень прозрачная, сквозная.
возможно, дрозд. я гость издалека,
и местных птиц я голоса не знаю

*chapel hill,
north carolina,
23/09/08*

[простая баллада]

когда седьмые сутки кряд
шумят и стар и млад,
когда придёт заградотряд
забрать твоих отряд —
отдай огонь из очага,
отдай труды и дни,
отринь и друга, и врага,
но пепел сохрани —

летучий морок серых дней,
тоску пиджачных плеч.
ты говорил, что это речь,
но это — нет, не речь,
а луковая шелуха
и прах твоих отцов,
и сказочная шемаха —
пристанище скопцов.

все клятвы (то есть — кол нидрей)
и все обеты — прочь.
словесный мусор, шорох, свей
с тобой уходят в ночь.
вон там с едою и питьём
начальники стоят,
а ты остался со смитьём,
и этим ты богат.

под шепетовкой куркули,
под харьковом махно,
и ты ползёшь путём земли,
а дальше — всё равно,
куда, грохочущий, в огне,
ночной несётся страх
по серой нежилой стране
на тёмных поездах.

[1953. миф]

ближний мой как кунцевская дача
дальний мой как бункер в костроме
посмотри сощурысь но иначе
на того кто нынче на столе
кто ходил опасными местами
кто неровным воздухом дышал
кто тремя печатными листами
семерых отменно заушал
камасутру говорил полковник
капитан застоле хором пел
лейтенант был карточный любовник
водку наливал но не любил
жаль что не успел крючкоголовых
и картавых тоже пидарас
кто сказал природа вся в разломах
зренья нет ты ходишь в первый класс
посреди зеркал и отражений
погляди что в чашку сыплет яд
что врачи подпольных совершенней
тайное и тихое творят
чтобы жизнь отчаянно вздохнула
чтобы в крик актриса травести
и увёз бродяга из аула
ту что не успела поднести

[***]

тем — записывать сюминутное, брeнное,
по бульварам и клубам ходить ночами,
тем досталось книжное обозрение,
пыльные комнаты с золотыми лучами.
как они проходят сквозь белые рамы те,
как они освещают старые кресла.
в форточке сетка для ловли радости —
так она не ловится, хоть ты тресни.
позвонит приятель из дачной местности —
оторвать от книги, покрыть позором,
позовёт пройтись по любой поверхности
тряпкой с пахучим аэрозолем,
не пойду: ненужное молодечество.
вечером — водочки в два наката.
древо, — пишут, — дуб. россия — отечество.
корсика — родина бонапарта.

[бухта]

я буду последним из тех, кто возился с вами,
читал вам книги, сражался в двадцать одно.
когда меня вынут отсюда вперёд ногами,
откроются люки, и судно уйдёт на дно.
размытые буквы всплывут из дальних отсеков,
солёная рыба, секретный боезапас,
и если кто-то напишет «ловец человеков»,
то это будет не про меня — про вас.

и вот вы стоите передо мной, как будто
от шага до шага — звонкая тишина.
вы водите пальцами по облакам над бухтой,
и вся их цепочка становится нежива.
ходили до ветра. сухим сохраняли порох.
держали руки скрещёнными от беды.
(пейзаж. фотовспышка. звук. тараканий шорох.
колодцы света. каменные сады.)

[мимо]

дачная платформа.
осень до листопада.
взгляду уже просторно.

диалоги идущих мимо:
«не удерживай её, дима.
не надо».

«не удерживай, ибо так надлежит нам
исполнить всякую правду».

правда едва различима
в мелких предметах, вроде
старого фото из крыма.
в вишнёвом компоте.

в том, что проходят мимо
люди из плоти и дыма.

крематорского дыма
и слабой плоти.

[***]

деревню смыли два дождя —
обида и вражда

остался одинокий двор
там проживает вор

едва откинулся — пришёл
лёг на скоблённый стол

скрестивши руки на груди
всем говорил «уйди»

когда отгаю по весне
тут можно жить и мне

картавый выговор скрывать
за мягким словом «блядь»

нам с вором нечего делить
нам нечем мир пилить

над нами в небе дремлет бог
свернувшийся в клубок

[тотем]

кате садур

дотошный дольник надоел.
верлибер изнемог.
остались травка чистотел
да сказка теремок:
идёт в четырнадцать ноль семь
від площи перемог

автобус. (пóножи его.
наручие щита.
он стражник берега того,
где ветер и тщета.
и тётка та, кондуктор та,
из меди отлита.)

сначала шли леса, леса.
но, засыпая сам,
он всё же слышал голоса
вокруг, по сторонам.
(так возвещают паруса
о смене ветра нам.)

то — как часов полночный ход,
то — смутный хор древес.
один был разговор про год
ухаживал — женись,
другой был разговор про суд,
который вышел весь.

а сзади нищенка одна.
с ребёночком она.
поёт: «народная война,
священная война»,
но только — шёпотом она,
ребёночку она.

с неё-то всё и началось:
преобразился рот,
горящий зрак, шерстистый мрак
и втянутый живот.
и по сигналу налетел
весь пассажирский сброд.

зажимы, ножницы, крюки.
железные клыки.
один отъел кусок ноги.
другой — кусок руки.
урчали. чавкали. дрались
за лучшие куски.

.....

ушёл в четырнадцать ноль семь.
пришёл вечерний звон.
как много дум наводит он,
раз по герою он:
не похоронен тот нигде,
но — всюду погребён.

он стал их символ. их тотем.
их точка в каждом сне.
он рыба на реке десне.
лёд на реке шексне.
и больше ничего о нём
нейдёт на память мне.

одна цитатная броня,
затверженная вхруст:
«зачем над степью нет огня?»,
«куда несёшься, русь?».

не останавливай меня.

я сам останавлиюсь.

[tere]

земляные валы, поросшие клевером.

река и санаторий с произносимыми именами.

здесь я впервые услышал джаз и рок-н-ролл,
удвоенные гласные, взбитые сливки,
флюгерá, вечер опального поэта в местной школе,
толстый московский журнал,
 выданный на один день и прочитанный залпом,
эротический финский журнал,
 выданный на одну ночь и просмотренный под подушкой,
пластинку silver convention (кто ещё помнит такую группу),
 выданную на одно прослушивание,
ладонь соседской девочки,
 выданную на одно прикосновение.

(ну не старость ли — так впадать в детство.)

это был город на выданье,
город-невеста для приезжего жениха.

в последнее время
оттуда доносятся странные позывные.
небо в той стороне светлее,
звуки моложе,
запахи сосновой,
пиво имбирней.

и даже брата Н.,
тридцать лет без посадки летавшие над городом
на своём фанерном биплане

(горожане давно привыкли к жужжанию в небе,
и уже пару лет местные путеводители
перестали писать об этом
как о чуде света),

так вот,
даже братья Н.,
по слухам,
собираются
приземлиться.

[***]

смирно! — говорят вам, штафирки,
внемля аргументам и фактам:
я служил шталмейстером в цирке,
я давал воды элекфантам,
а когда печальные звери
уходили в ночь по четыре,
я стоял на стрёме у двери,
воровской фонарик притыря.

помните змею-недотрогу? —
до сих пор директор икает.
я служу зелёному богу —
ваши рядом с ним отдыхают.
цейсовские стёкла — в порядке.
голуби идут по карнизу.
маленькие львы и лошадки
поздравляют бедную лизу.

[день конституции]

кто-то вспомнил — зима, и встряхнул над землёй воротник.
между пальцами щель заменяет очки ненадолго.
сфокусируешь зренье; глядишь — и к морозу привык:
то ли дон, то ли волга,
где под белым, недавно замёрзшим, не ходит вода,
а меж ним и ближайшею сферой, безжизнен и матов,
то печёный ростов, то плетёная вологда-гда,
то стеклянный саратов.

пусть хоть кто-нибудь скажет: «садись, ты и здесь ко двору»,
разведёт кипяток, поднесёт перемены на блюде.
это люди, конечно, хотя поглядишь поутру —
как бы вовсе не люди.
не давайте мне зеркало, я к вам пришёл из хазар,
как увижу уроды — боюсь, не сдержусь и завою,
но хотя б иногда попадайтесь и мне на глаза,
ничего, что спиною.

эту карту европы украл не агент, а сосед.
этот кухонный заговор — не декабристы, а климат.
это нас перед смертью помнут, поглядят на просвет,
покрахтят и не примут.
снова вскроется лёд,
и повалят другие стоять и томиться у входа
под нестройное чтение первой строки «мы, народ,
враг народа».

[gorky]

евгении риц

что вы взяли? — лимон и шоколадку,
а коньяк — у стасыча и у борьки.

тот, кто знает последних времён повадку,
тот вдыхает радостно дым их горький.

от четвёртой платформы — в город горький,
нижним именуемый для порядку.

потому что есть ещё горький верхний,
то есть горний, не от дольного мира.

ангелы тоже плачут там на поверке
утренней, когда бог проходит мимо.

поднимают флаг из небесного дыма.
разливают сладкий спирт в манерки.

в нижний ли горький на верхней полке.

слышишь? — стучит: это ходят ради
тебя незаметные богомолки,
пишут прерывистый сон в тетради.

двадцать килограммов ручной кладки.

девять граммов души, не больше.

[камера]

выпивает, не утирая рот,
но ему положено быть счастливым:
вот сейчас он медленно запоёт
про грозу, прошедшую над заливом,
про спящий никелем бензобак,
про литое солнце из пушки в полдень,
как умеют юрьев и, может, порвин —
тарантеллу пальцами на губах.

и тогда закружится возле ног
рыжеватым псом, золотистым смерчем
лютеранский враг, левантыйский бог.
этот ветер с моря не даст прилечь им,
понесёт в притон, а потом — в шалман,
за ещё одной, а тогда уж — баста.
за монетой медною нагибаться.
от сухого корня сходить с ума.

так в дыму от выстрела аронзон
не упал, а будто идёт по свету,
над заливом ходит, гремит грозой,
подбирает-ловит свою монету.
на пределе счастья блестит слюда,
шелестит вода, голубеет глина.
жизнь уже наполненная корзина.
смерть ещё нелепа и молода.

[все]

все они
все они умерли
все они умерли от страха
ни от чего иного
это было
как рябь на воде в полдень
когда объявляли
о грядущих налётах
когда писали на стенах
«бог не любит вас
и вам бы лучше
заткнуться»
когда призывали не поддаваться
панике и пессимизму
(призывавшие умерли
в числе первых)
остались окна
заклеенные крест-накрест
памятник робкому сопротивленью
остался ветер
раскачивающий качели в парке
(избитый кадр
неожиданно обретший
новую свежесть)
ещё нет руин
здания целы
кое-где горит свет
если бы ты был жив
удивился бы
насколько
ничего не изменилось

только нет машин
и вдоль улиц летят
птицы и мусор
и осенние листья
падают громче
чем мы привыкли
этот день
этот день завершился
этот прекрасный пустой и звенящий день
перед началом
ночи

[tivoli]

труд окончен, и галеры
убраны от глаз.
кто родился к нам — и те уж
умерли от нас.
птицы лишь до ночи спорят
меж высоких крон,
кто из них кому другому
оставляет трон.

круг сужался и сужался,
и остались лишь
колокольцы, карнавальцы,
пара ветхих крыш.
и, ворча на запах дыма,
дремлет носом в снег
на краю земного рима
дикий человек.

Из книги «Подземный флот»
(2014)

[***]

подземный флот уже плывёт к тебе
лавируя меж тёмными корнями
с червивым ветром в тёмных парусах
а мы его антенны перископы
ты каждый день проходишь между нами
мы за тобою пристально следим

мы бражники ночные мотыли
мы осторожно подлетаем к лампе
но тут же исчезаем на свету
ты не лови нас даже не пытайся
а то пыльца останется на пальцах
чужая пыль подземных берегов

свистящая прохладная игра
касание щёк подслеповатой бритвой
и капитан выходит к экипажу
и тихо произносит «виден берег»
и имя твоё тихо называет
все думали что индия ан нет

матросы сходят на́ берег след в след

их плаванье до ручки довело
их тысячи их видеть невозможно
ходи по ним ступая осторожно
гляди во тьму в покрывное стекло

[слобода]

очень хотелось ногою вращавших круг
лепящих день руками
но никого никого вокруг
кроме поющих ножницами по ткани
клёкот и стрёкот швейная речь машин
иглы и шестерёнки
но не умеют вечер вытянуть как кувшин
чтобы был длинный тонкий
холодает — запахивают пальто
опускают вуаль кутаются в пелерину
наряжаются но зато
в самом конце в красную лягут глину
руки портных костистее и острей
руки горшечников хоть и грубы но кротки

кто вращает нас всё быстрее и быстрее
так что по стенам летят ошмётки

[севооборот]

когда уеду в город лондон
ах мама я же не о том
вчера спросил в аптеке «кóндом»
не ведая что он «кондóм»

они смеялись целым классом
мне всякий мусор говоря
в те дни что вычеркнуты с мясом
из моего календаря

ещё концертов по заявкам
в рабочий полдень слышен всхлип
а там где всё иным порядком
уже снимают первый клип

там джонни роттен он же лайдон
и трое сбоку наших нет

вот говорят «веб-узел найден»
и «ожидается ответ»

[***]

летний день с грозой и с норовом.
летний вечер будет скоро вам,
зыбкий и нестойкий.
кипяток на дне фарфоровом —
радость землеройки,

что якшается с подонками,
и свои чулочки тонкие
подшивает леской,
и целуется под окнами
на площадке детской.

[***]

*владимиру беляеву,
поэту и организатору ландшафтного фестиваля
«пушкинские лаборатории»*

отведи её в сторону — зренью мешает.
небогатый, но всё-таки вид.

в старом парке у нас есть страна небольшая.
и она говорит.
не воюя, не рея
на ветру, не кичась синевой, белизной.
и сигналы — неточное время —
да пребудут со мной.
там чубушник и жимолость, горы покаты,
невысоки дома муравьёв.
кулебяки её — дериваты её, предикаты,
смыслы в девять слоёв.
полустанки забыты.
полу-танки рокочут в траве.

нет, не в лондоне.

нет, не в москве.

[говорят июнь]

*

говорят июнь

открываешь втекает
белое молоко

затворяешь скисает

ставишь в печь
говорит языками
ангелов и людей

а на третий день

*

говорят июнь

пух последних звонков

розоватых последних
времён

по вечерам

ну а утром
по диску солнца
проходит венера

всё проходит
и проходит
третий день
как в последний раз
в этой жизни

в следующей

она останется
в центре

в церкви

в маске

как тогда

*

говорят июнь

листригоны греческих бухт

лисистраты греческих яхт
не дают
пока не отдашь им яд

хранимый
на чёрный день

если ж нет
интернет
знает триста рецептов

как сделать
яд

*

говорят июнь

недолёт

пересвет

говорят

[***]

1.
свет утренний на потолке хлопочет
как будто за окном сидит наводчик
и водит беспокойным окуляром
по суматохе запятых и точек

мне кажется его зовут колянном

друзья его поклонники халявы
подруги его нежные оторвы

зэ энд оф таймз я говорю товарищ
слезай ты ничего тут не нашаришь
не передашь мои координаты

твои друзья по прежнему упёрты
твои подруги глупые — пернаты
и ты от босса не получишь бонус
засёкши мои пыльные пенаты

но он блестеть и хлопать продолжает
не внемля этим полусонным пеням

и день уже восходит по ступеням

и ночь уже почти не возражает

2.

дни
на глазах обрастают ветром

ночью
мимо дома
носят флаги твоих бессонниц
подготавливаясь к параду

зависть к валериане
к овцам
которых ты недосчитался

это молодость

это нервы

станешь старым
сядешь в кресла
засыпая над каждой книгой
над каждым фильмом

говорят что в тифлисе
утром
до сих пор точильщик
искрами прогоняет
торговку мацони

говорят что в жироне
танцуют вальсы
на мосту через речку оньяр

почему-то вспомнил

это старость

засну-ка над этим текстом
в кресле
чтобы перед тобой
оправдаться

3.

в складках старого
лоскутного одеяла
ты очки свои потеряла

а по-старому — окуляры

в створках раковины
брезжит утро

и на столике полбокала
то вчерашнее из пакета

это лето

ночь пришла и оно дышало
день пришёл и его не стало

исчерпалось
выбрало квоту

я опаздывал на работу

я любил тебя мало

мало

[гудини]

по сцене скачут какие-то modern talking.
гудини прозрачен. он надевает смокинг.
гудини теперь нигде — но повсюду реет.
гудини идёт по воде — и вода твердеет,

идёт по земле — и земля становится влажной.
гудини врёт, что теперь это сможет каждый,
но в складки горла и в тайные швы на теле
он прячет свёрла, бритвы и иммортели.

он дважды тонул и трижды бывал распорот.
(никто не зрел, чтобы он заложил за ворот.)
всплывал со дна в сундуке из кованой меди.
в аду летал на горном велосипеде.

руанские девы костёр под ним разжигали.
горя, шептал он имя какой-то гали.
и вот он ветром вольным гуляет в поле,
а тот костёр — пустой огонёк, не боле.

в румынии он свистел трансильванским зубом,
когда прилетал гостить к знакомым суккубам,
а в польше его сковали цепями смысла,
но он лишь свистнул — и закипела висла.

гряди, гудини, мы ждём тебя у вокзала.
ещё дадим, если этого будет мало.
«приди, еврейская шваль, приезжай, подонок», —
поёт и плачет музыка, как ребёнок.

[кинематография]

1. [люмьер. прибытие]

как будто бы с поезда жизнь даже в этом звучит тяжело
крупинку подняв и в платок завернув чтоб себе в оправданье
чемодан раскрывающийся изумлённой рукою перехватив

чистильщики одежды бегут нахваливая своё мастерство
валятся со всех сторон пропилей густопёрые здания
всё это наконец говорит тебе вот ты и один

закончен горизонтальный дым преферанса с соседями по купе
перекатывающиеся духовые массивы облаков медных
после заката превратились в противоположный себе свет
говоря по-польски гвядз

и небольшой буксир на довольно широкой протекающей
в квартале от вокзала реке
несколько что ли издевательски издаёт такой особенный
свист для бедных
свист какой любил второстепенный поэт серебряного века пяст

надо бы ещё заскочить к живущему рядом приятелю
и с видом школьника
блок жевательной резины заграничной вручить ему
как дар вселенской
он же с трудом оторвавшись от вычислительных своих машин

спросит как бы невзначай напомнить ему чем тактовик
отличается от дольника
раз уж дескать я припёрся сюда с душою своей геттингенской
в бедный наш край где эсеры намедни в публичной дискуссии

опровергли существование души
внутреннее молчание путешествия подкрепляемое
неумолкаемой речью
быстро сменяется внутренним диалогом неслышным
извне никому
и когда ночь окончательно вступает в свои права

салют по поводу присоединения к империи новых островов
кажется отдалёнными залпами сиречь картечью
наступающего со всех сторон неприятеля
и в подсвеченном прожекторами дыму
слышится классическое первый батальон по левому флангу
арш ать два ать два

2. [эйзенштейн. броненосец]

чудовищна, как броненосец в доке...

о.м.

run, armadillo, run

от дюка с люка через одну
ступеньку, спеша объявить войну,
сворачиваясь пружинной стальной.
гремя столицей вставной,
вспыхивая бунтом, грозой, виной
в тёмные плавни, в днестровский лиман,
в смысловой туман
(как поэт владимир аркадьевич гандельсман)

run, armadillo, run

ты увидел червей в солонине — это предлог,
ты увидел свет невечерний — это союз,
ты почувствовал ветер, сказал себе «не боюсь» —
это был бог,
несущий не мир, но меч,
ведущий за руку деву — с тобой возлечь,
отженивший от тебя день, прилепивший ночь,
влекущий от тебя прочь сто народов и стран

run, armadillo, run

run, armadillo, неизвестно куда,
под тобой трава череда, над тобой звезда,
за тобой горят города и тела людей,
по твоим берегам бестолково мычат стада,
недоены третий день,

так застынь посреди степи
как языческий истукан
что наделал ты — это кровь из ран, armadillo, ран

— сдохни, сука, сдохни

— run, armadillo, run

3. [хичкок. птицы]

а.б.

в жёлтой маечке чирлидера
с помпоном на боку
никого бы не обидела
но по строгому звонку
вся вытягивалась замертво
и лопатки сведены
и взмывают в небо стаями
стальные летуны

клювокрылие железное
напрягая на весу
ловит воинство небесное
заметавшихся внизу
замечтавшихся и летних и
с беспокойным взглядом вверх —
всё иное и скелет иной
и глаза круглы без век

голубятню нашу помните
где свобода и помёт
и стихи в полночной комнате
про счастье и полёт
только стук пожарной лестницы
откликнется от той
от погибельной предвестницы
под руку с пустотой

от меня уже немного
осталось — ничего
за пернатое за строгое

до жути торжество
помаши подолом ветреным
как в первый раз была
в день обратной геометрии
стреловидного крыла

4. [коппола. апокалипсис]

пузырчатой кожей отлипая от дна
когда телефон заиграет из вагнера
было модно назад лет десять когда одна
впрочем об этом не надо вам
назначая преобладающим цветом жару
влажность преобладающим звуком но
это будет после когда умру
и покажется кукольным
на огне вуду целлулоидного колдовства
спёкся в комок своего привыкания
так бывало когда одна
примеряясь лечила иглоукальванием
в дельте меконга наводят грусть
струи дождя непрерывно идущего
жди меня
тем сильнее я не вернусь
в книгу о бренности всего сущего

[пуримшпиль]

мы отступаем.

уже в огне
город ельня.

кто передаст звуковой волне,
что она запредельна?
кто собьёт с травяных штанин
комья спеси панской?
кто научит пласты равнин
речи горней и ханаанской?

мы отступаем.

кто, кроме нас,
защитит от потравы
малую землю карих глаз,
воробьиной славы?
кто сохранит шелестящий век
письменно-устно,
переплывёт муравьиных рек,
многие годы — сухие, русла?

мы отступаем.

каждый поёт
о далёком доме.
нежный лелеет переворот
с девкой в соломе.
каждый конину зубами рвал.
мечтал о плене.

мы отступаем.

порвите, мой генерал,
каблограмму
о наступление.

[neverland]

тёмны воды во шляюзах.
нависает гроза над мостом.
как в бильярдную лузу,
входит в тёмное баржа с песком.
первой молнии узок
нож, и видно, что будет потом:

закрываешь глаза — и
на экранчике внутреннем век —
цепь разрушенных зданий,
саранчи бестолковый набег,
ярких взрывов розарий,
углекислый нетающий снег.

открываешь — и снова
ветер, зелено, сине, темно.
половина седьмого.
рядом пьют молодое вино.
от грозы дядя вова,
твой сосед, закрывает окно.

кто там ходит и судит
о пространстве всеобщей вины?
что там в воздухе сгрудит
ветер северный (в виде стены)?

как там? — *нет-и-не-будет* —
имя вашей страны.

[ЭНСК]

каждое аное — енное:
странное и откровенное.

каждое яное — инное:
пьяное и магазинное.

где угрожают заточками.

где убегают садочками.

где нарастают события
за полчаса до закрытия.

[николае]

ВОТ
ОН
ЛЕТИТ
С ВЫШИНЫ,

ЛИСТ ЛИСТОМ.

ВОТ ОН
ЛЕЖИТ У СТЕНЫ

ВНИЗ ЛИЦОМ.

В ТИХОМ ПРОКУРЕННОМ ДНЕ.
ДЫМ К ВИСКУ.

СЛОВНО БЫ ТОЛЬКО ЧТО НЕ
НАВЕРХУ.

ЖГУТ ПОЛУТРУПЫ СВОБОД.
ПИШУТ КРАХ.

СТАВЯТ ВОЗДУХОВОД
В ГОЛОВАХ,

ЧТОБЫ ГУДЕЛО ХИТРО
(ВЕТЕР, ВЕЙ).

ЧТОБЫ ДЫШАЛО МЕТРО
ВСЕХ ЧЕРВЕЙ.

ТАК —

шестерёнки к цветам,
дни примет —

всё происходит и там,
где вас нет.

где и простуженный след
из вчера

гасят
неловко,
как свет

в семь утра.

[новый боспор]

низовым потоком
(падает черепица)
проходя на бреющем жёлтый пляж
кувырком кувырком летит
на одном — помпаж
в другой при разгоне попала птица
мы видали твой пилотаж
в море чёрное окунуться
там отжаться
упасть
забыться

тридцать три выходят из моря
в спасжилетах
как на подбор
с ними дядька бортинженер
схватились за воду
уцелели
вышли
основали новый боспор
окончательный пантикапей
их послал властитель зыбей
улучшать породу

и с тех пор
процвели ремесла и города
изменился климат
в моду ввели поребрик
и стоят не тая
фигуры синего льда
и свистит мимо них

мотаясь туда-сюда
паровозик
одноколейник

а суда гребные
зачем нам теперь суда?

не осталось от них следа
здесь другая кровь-любовь
и иная раса
отступила за мыс вода
обнажилось дно
лишь колокол иногда
снятый с флагмана
звякнет
в начале шестого часа

[песни о советских лётчиках]

1.

где звуковой предел бахчиванджи
преодолеет над пропастью во ржи,
нет ничего, но за пределом звука
в мозгу стареет тёмная земля,
стоят сухие грозные поля
и на плющихе — тополя (три штука).

там разработчик жив сверхзвуковой.
в секретном кабинете со вдовой
по пятницам свидания в обнимку.
на два часа, в которые встаёт,
её возможно взять за поворот
на дальнюю таёжную заимку.

он грек, румын, болгарин и т. д.
он после смерти бодрый, как в воде
серебряная рыба фюзеляжа.
он шутит про загробное житьё.
он пожимает локоток её,
и коньячок, и анекдоты даже.

но остаётся выжженной трава,
и прочь летит хмельная голова
под крики подбегающей охраны,
и мёртвым свистом напевает рот
про короля кастильского полёт,
любовника задорной маританы.

2.

на бреющей болтовне
на тлеющей головне
на судах да на пересудах
да на полярной струне
картонно раскинув крылья
распяв усилья
руки разъяв
любимец всей эскадрильи
летит под крики разъяв

под холод и белый свет
под наградной пистолет
под водочку с холодцом
да под прерывистый след
щека
да улыбка фраера
да американское «cute»
а в чека его
просто ч'каловым
валерием
назовут

от нижнего до москвы
от ближнего до братвы
от нас через полюс
в медленное неземное увы
под завистый матерок
под задиристый катерок
под волжское
«на-ка выкуси
у меня
между ног»

плывёт над страной
небесной слюной
в мать
в душу
в эпоху
к самому богу спиной
с когортой блядей —
бери и владей —
самый человечный
из всех не-людей

3.

два сиа́мских близнеца
разделённые врачом
мир с газетного листа
только слава нипочём
жёлто-рыжие леса
под крылом стоят сам-друг
а потом и полюса
полюс север полюс юг

то ли пат и паташон
то ли песня и припев
на двоих один погон
и десяток юных дев
комсомолки на подбор
общий чайник общий кров
аист-аист-мутабор
байдуков и беляков

китоврас тянитолкай
или там камелопард
в сообщеньи тасс строка
с помощью собак и нарт
вытащили самолёт
из широкой полыньи
гауптвахта идиот!
разлюлюшеньки мои

и звездою золотой
перед тем как отсидеть
но танцуешь молодой
впору брату поседеть
в небесах кружатся как
избавляясь от оков
глазеноп и бутенап
байдуков и беляков

4.

они отреза́ли маресьеву ногу
они посвящали маресьева богу
но бог эту жертву отверг

и вот он ползёт через кровь и блевоту
кругом гомонят отмечают субботу
ему же — великий четверг —

день хлеба и рыбы и чистого гнева
геройской звездой пробивается слева
мерцает и светит во тьму

и шепчет ползи по лесам и полянам
сигналь за тобою ползущим полякам
что хрен им а не кострому

когда он поёт о широком просторе
мы видим его через дырку в заборе
в жуках пауках и траве

без ног и без рук словно стыдное что-то
тележка его как модель самолёта
и месть у него в голове

нам взрослые дяди сказали глядите
и мы замолчали наивные дети
смотря на взметнувшийся прах

на родину эту мечту и зазнобу
на горнее небо на дольную злобу
на крест у неё в головах

5.

с того момента,
как он смешал
свои кровь и пепел
с кровью и пеплом
танкистов гудериана,

всё пошло по-другому.

в тёмной валгалле
все они нынче —
негры,
евреи,
цыгане
и педерасты
в белой красивой форме.

а он стал богом
в их подземном люфтваффе.

алтари святому гастелло,
отдавшему жизнь
ради счастья мёртвых.
воскурения благовоний.
клятвы новоприбывших.

продаются брошюры
о его жизни:
был хулиганом,
на спор туда и обратно
переплывал одер
в районе таганки.

по рекомендации
василия сталина
вступил в гитлерюгенд
и был направлен
в лётную школу.
в свободное от занятий время
бил морды
проклятым арийцам.
в первые же дни армагеддона
принёс великую жертву
пеплом и кровью —
и всё утихло.

а нынче
каждое утро,
перед восходом солнца,
сияя,
восстаёт из пепла
в северо-западной части
небесного свода
и раскрывает
стальные руки-крылья
под мерный гул
пламенного мотора
сердца.

б.

*е. симоновой,
е. баянгуловой*

вот россия голоса воды и хлеба
вот испания безоблачное небо
позвонила гризодубова расковой
и сказала «ты невидима свободна»
и на кончике марининога жала
мазь волшебная для укрощенья плоти
в ночь вальпургии на бреющем полёте
в небе тоненькая жилка пробежала

раскалятся на газу забыты плойки
домработницы вослед «куда ж вы лярвы»
а мужья их всё кроты и землеройки
укротители подземных канцелярий
а любовники их ромбики в петлицах
да какое там не ромбики а шпалы
через пару лет кладут лесоповалы
во тяжёлых во ежовых рукавицах

ведьма-два я ведьма первая ответь мне
мы ещё с тобою встанем тёмной тенью
над тоскою над москвою на рассвете
над столетием с сиренью и мигренью
зарываясь запинаясь со слезою
гризодубова с расковой матеря
за толстовского болконского андрея
и за дуб его расколотый грозою

7.

соседка заносила спички и соль
сосед заходил и оставил ключ
бреешься у зеркала — видишь листок
«ахтунг ахтунг покрышкин ин дер люфт
тем кто своевременно оставит меня
тополиный пух и божья роса
ну а мне соколику мать сыра земля
да высылка в двадцать четыре часа»

что ли призывай на голову мою
все свои проклятия имперская сталь
твоего покрышкина ждали в раю
только он заранее сводку прочитал
как в покровском-стрешневе наискосок
шёл я по аллее мимо дачи его
ждал откровенья или пули в висок
окрика охраны ан нет ничего

левитан до смерти слышал голоса
жуков до опалы копался в золе
тополиный пух и божья роса
всё что остаётся на этой земле
опускай шлагбаумы ступай со двора
фонарём на станции вослед посвети
передай начальнику апостола петра —
эшелон проследует по первому пути

[к единому учебнику истории. наброски]

1.

песни сморщенного яблока.
тапки старые без задника.
день февральский ни о чём.
открывай своим ключом.

только песней законною
ты не тьявкой в домофонь мою,
как помоечный щенок,
никому посвященок.

я же ждал тебя, козявина.
я искал тебе хозяина.
вон, чугунный, на скале,
в сыровяленном кремле.

на всю жизнь теперь дежурное
его тяжкое безумие —
медвежатник всех замков
и отец своих щенков.

а когда под слёзы детские
мы в дымы замоскворецкие
превратимся на ходу,
идя по воду-воду,

вы издайте вслед летящему
своё слабенькое тьяканье,
вылезая из конур
во февральский во канун.

2.

на тихорецкую, а далее — везде,
то лёгким мороком, то буйным переплясом.
щелястый тамбур, занавеска на гвозде,
как будто не было предписано весне
петь песни юности ломающимся басом.

давай известную, чтобы подпеть могли
все гости мёртвые, все пузыри земные,
все те — на корточках — кавказские орлы,
и все клеёнкою покрытые столы,
и ломти воздуха большие, нарезные.

вагончик тронется. останется перрон.
ну опоздаешь же, я всё переживаю.
и строки странные записаны пером.
и плоть прекрасная — пописана пером —
лежит под насыпью и смотрит как живая.

стена кирпичная и гул очередей.
часы вокзальные и карты — вся колода.
и снова тамбур. занавеска на гвозде.
и наши мёртвые на суше и в воде.
и водокачка девятнадцатого года.

[фома]

это быстрое, радостное без зазрения слов,
в мирное время — тестовое, на войне — пулевое.
папенька входит к маменьке. карточка входит в слот.
их всё время двое.

штихелем ли, стамескою отрезай, отсекай
вечное их стремление множеству передаться.
трое — как отторжение. четверо — как толпа.
пятеро — пентатоника. шесть — государство.

за два приёма — форточку. на три оборота — дверь.
вчетверо крепче прежнего прижмись ко мне, дорогая.
и не верь всенародному. а мне поверь,
в рану персты влагая.

если ж дом окружают, то станем к спине спиной,
плёнкой глаза затянем и предадимся зною.
стану тебе апостолом.
самым тебе фомой.
стань и ты мне фокою.

[ЛИЦО]

вот уже высаживают дверь
руку дай и ничего не бойся
жаль что тексты не успели сжечь

вот уже бросают из окна
прямо на подставленные колья
помнишь главку про стрелецкий бунт?

и толпа беснуется кричит
плотная до самой ленинградки
и ещё куда хватает глаз

через сорок лет войдём опять
без ключа значенья не имеет
дверь уже не надо отпирать

ржавчина из крана а потом
наклонись ты видишь чьё на дне
там лицо нарисовалось?

знать за эти годы стосковалось
по тебе и мне

[земля]

эта земля
завещана нам от бога

двадцать тысяч
с востока на запад
восемь тысяч
с юга на север

эта земля
с обгрызенными краями
как наши ногти
с вершинами гор
как наши чирьи
с извилистой береговой линией
как наши заметки в журналах
с неглубокими оврагами
как наши улыбки
и глубокими отхожими ямами
как наша легендарная
отходчивость
и незлобивость

с почтовыми ящичками
куда опускают воздух
с тёплыми тапками
в которых хоронят
мелких домашних питомцев
с конторскими счётами
на чьих костяшках
съезжают с гор
любители национальных видов спорта

с вишнёвыми и яблоневыми садами
которые устанавливают со стуком
рабочие сцены
с красавицами
висящими на новогодних ёлках
с тёплым утренним хлебом
особенно с тёплым утренним хлебом

поэтому вы можете
творить любые безумства
принимать любые законы
запрещать то что ещё осталось
хоть неделю
хоть десять лет
хоть сотню

всё равно
эта земля
завещана нам от бога

мы подождём

мёртвые терпеливы

у мёртвых времени много

Стихи, не вошедшие в книги

[возвращение годо]

мих. квадратову

вот он стоит с широкими плечами,
в распахнутом чешуйчатом камзоле,
в зеленой майке с надписью o'neil.

откройте мне лицо, я посмотрю.

откройте. что вам стоит — пять минут.
какие нервы? — всё давно скончалось.
и аппарат настройте слуховой

на самый тихий. десять децибел.

мне жали туфли, пели dies irae,
лизали пятки, целовали руки.
попробуйте, послушайте с моё.

предупреждая ваш вопрос возможный —

да, эти сферы тихи и прозрачны.
да, смерть не жжёт, трава не выгорает.
нет, прямо сразу. больше не вернусь.

мне так и предсказали: дескать, оба.

в последний раз: он — говорить, я — слушать,
он — рифмовать, я — прозой заслоняться.
но тише: он не знает ничего.

четвёртый слева
щёлкает затвором.

2005

[седьмое декабря. классная работа]

подъезжали к высоким горам
рисовали на холодных стеклах
сверкали разноцветными огнями
вспоминали о летних каникулах

занимались важными делами
разговаривали со старшими школьниками
приближались к высоким соснам
наблюдали за шумными синицами

любовались белыми лебедями
рисовали цветными карандашами
летели над широкими полями
превращались в дождевые капли

2005

и от весны до осени,
все быстрее и быстрее
вертится мячик, брошенный
с батареи твоей.
мячик разлива местного,
чугунок, огонек
с батареи раевского —
злую песню поет.
я ли, мешочек кожаный,
замерев перед ним,
что же ты, шепчу, что же ты,
как же так — по своим?
здесь же — сердце, душа жива,
тонкие вещества...
бесполезно — не слушает.
гипнотический взгляд.
не по мою ли душу тут
ангелы говорят?
нет — санитар на линии.
вытащил из огня.
брось меня. пристрели меня.
брось. пристрели меня.

2005

[отпадение А.]

череда, чистотел, крапива. ты будешь тоже
человеком без родинок, космополитом кожи,
и уйдёшь, растаешь, внутри затаив обиду,
и письмо оставишь: «авессалом — даvidу».

я, даvid усталый, сожгу письмо, не читая.
из камина пеплом выпадет запятая,
поведёт, потащит к синайской твоей пустыне
за горячий воздух хвататься — «о, сыне, сыне».

а вернусь обратно — господи, как херово.
здесь недавно — помнишь? — роза и ключ сарона.
неполитое и политое увядает.
ты идёшь на ны. всё прочее отпадает.

ты поставил стену между собой и родом.
ты упрям как бес, сынок, ты упёрся рогом.
только мне-то что. всё равно ты умрёшь красиво,
ну а я — как все: череда, чистотел, крапива.

2005

предрассветный купорос
уступает место свету
бормоча себе под нос
шаря спички и газету
улетают в никуда
сны детей твоих приёмных
паровозная звезда
конфискованный приёмник
по дороге в совнарком
через струи поливалок
что за ворот холодком
переводом калевалы
опечаток нет измен
курс единственный и верный
как поведает со стен
репродуктор внутривенный
сквозь который до сих пор
истерически рыдая
изо всех щелей и пор
идиотка молодая
чёрт-те что неся со сна
в шесть утра трубя тревогу
говорит со мной страна
в тапочках на босу ногу

2005

мельхиор, балтазар, гаспар
всё идут один за другим.
ты бы лёг и чуть-чуть поспал
в том углу, где теплее дым,
где густеет овечий чад
и собаки во сне ворчат.

на равнине, белой, как хлеб,
места выжить другого нет.
тут пещерка в снегу — вертеп,
керосинка в пещерке — свет.
люди ирода за горой.
рассчитайсь на первый-второй.

а проснёшься когда, на тот
случай, если придут они —
пенсионное приготовь,
безотцовщину упрекни,
чудеса объясни простым:
был влюблён. выпивал. простыл.

завтра будет солнцеворот.
дальше — оттепель. дальше — дождь.
за дождём — вселенский потоп.
за потопом — великий вождь.
но по небу идут волхвы,
словно всадник без головы.

2006

[с эпитафией]

Как Аристогитон, он миртом меч обвил...

А.П.

как аристогитон: неважно чем, но — меч.
или другой ещё: неважно с кем, но — прямо.
античных доблестей мальчишеская речь,
непредставимая без пудры и без грима.

ещё и эти, деревянные, стучат —
котурны, как их там, и, музой послан к херу,
комедиограф, колобок под пятьдесят,
на глухоту сославшись, убегает к хору.

срывайся с лекции скорей, искусствовед,
скрипеть подошвами, по скверам целоваться.
дымки из труб ведут морозный хоровод.
тепло в тени твоей, возлюбленная цаца.

как ты сверкаешь на эпитеты в ответ,
как огрызаешься...
мне так не огрызаться.

какой опасностью — из маленьких ноздрей.
каким презрением — из складки губ надменной.
кто гумберт-гумберт у набокова? еврей?
он умер-умер. эмигрант обыкновенный.

лолита выросла. окончила истфак.
шарф крупновязанный, по моде, и подсумок.
помада яркая.
античная — спросонок —
речь строгих доблестей налипла на губах.

2006

постоянно сам в себя стреляю

лёгкая и звонкая стрела я
холод и отсутствие закона
смех и гибель
труд и оборона

но поскольку сам в себя стреляю —
на столбе расщепленном по краю
старая дырявая мишень я

никому не будет утешенья

2006

плела-говорила, в меня окуная лицо,
и сонную пела осанну.
и было — как будто адам изобрел колесо
и, радостный, ходит по саду.
и еву зовет, как мальчишка — похвастаться ей.
смеется. катает пред нею.
потом — поцелуи. укромная сетка теней.
глаза, обращённые к небу.

а с неба глядит между тем, ухмыляясь в усы,
на детские эти заботы,
повесив на крюк бесполезные лупы, весы,
оставив конторские счёты.
эдемские сумерки в мире его навсегда.
всё зыбкое. всё — не отсюда.
и в воздухе тёмном, сгустившись, мерцает вода,
принявшая форму сосуда.

2006

[***]

так вода от талого снега бежит по саду,
и садовник всю пустую сдаёт посуду.
запрокинув голову, глупые пациенты,
так мы пьём эту воду против всей гигиены.
разве Блок позволил бы воду — прекрасным дамам?
это чистый спирт летит в небесах над домом,
и звенят, как жёсть, в горячке весны жестокой
острова блаженных в дельте Невы широкой.
это Блок летит с хористкой своей, актриской.
меховая полость и мотоцикл с коляской.
чем старше он — тем ярче она, моложе.
фонари. неон. стихами — одно и то же.

2006

поклонники опасных авантюр
и громогласных увертюр,
инфантеррибли оперного зала,
любовники невыносимых дур,
которых вам отчизна навязала, —

вам говорят, здесь вагнер запрещён,
а вы себе шарашите, на звон
не обернувшись, как в посудной лавке...
читатель, что ты лезешь с рифмой «слон»?
здесь рифма будет свежая: «в отставке».

я тоже бывший вашего полка.
землячество изгнало земляка.
красавицы внимают без восторга.
и остаётся куцая строка
и тихий скрип: от музыки — до морга.

подумай о других, моя тефаль.
тангейзер это или парсифаль,
но то, что было, — было с пылу с жару.
поэтому не умножай печаль,
а пой со мной, надтреснутым, на пару.

пой, не трещи. мне слишком много слов.
мой чай остыл. мой разум не готов.
я личность невротического типа.
полковник сериальный. глеб жеглов,
перелюбивший родину до хрипа.

а музыка, конечно, никуда
не денется. на крайний случай — да,
есть райотдел, вертинский на рояле
и тот подъезд, где, помнишь, в холода
с тобою после оперы стояли.

2006

здесь у нас «счастливые недели»:
всё со скидкой, без ума и такта.
чучелко моё, ты еле-еле
выговоришь «престиджитатор».
чучельник приходит по ночам
к нам с тобой, печальным сволочам.

широка страна вокруг содома.
широки поля моих угодий.
чучельник, набей меня соломой
или сеном — что там нынче в моде?
я ещё покуда не решил,
стать ли самым главным из страшил.

жёсткое дыхание окраин.
местных жительниц скупые ласки.
человек проходит как хозяин
бойни, лесопилки, лакокраски.
человек проходит. был — и нет.
чучело идёт ему вослед.

чучело желает видеть бога.
путь его — загадочный и трудный.
жёлтая кирпичная дорога
огибает город изумрудный.
время холод. на часах ни зги.
больно колют новые мозги.

2006

[литературоведение]

объект Пушкин, Александр Сергеевич,
по делу проходил как «Сверчок» и «Арап»,
полукровка, втайне гордился дворянством,
в юности — пошлятина в стиле Парни,
как результат подпал под влияние,
«Я бы мог, как шут», ода «Вольность», но влюбчив,
цинизм уравновешен излишней чувствительностью,
образован широко, но бессистемно,
попытки перевербовки в двадцать седьмом и тридцатом,
в последнем случае — ряд ценных сведений,
на регулярное сотрудничество не пошёл,
физически устранён, о чём ниже,
вдова сочеталась браком с агентом Ланским.

Раскольников, Арина Родионовна,
в штате с восьмидесятого, кличка «няня»,
истинно русская, характер нордический,
кавалер именного оружия,
медаля «заслуженному работнику органов»,
объект — в разработке с девяносто девятого,
осуществляла целенаправленное воздействие
в духе православиясамодержавиянародности,
негласный надзор в поездках и ссылках,
связь непосредственно через Бенкендорфа,
в ходе выполнения операции «дуэль»
выскочила из кустов с фамильным топориком,
убедившись, что агент Дантес промахнулся.

2006

[два с посвящениями]

Л.Л.

когда глаголами
тебя
под дых
(а слушай умное
не говори)
светило малое
луна живых
осветит
гавани
и пустыри

не нужно
«только лишь?»
«и это всё?»
о стену пачкаясь
о мел слепой
нарезан дольками
и поднесён
на блюде
города
с каймой-
слюдой

слюной избыточной
был
пересох
так легче
воздухом
и светом всем

для связи выделен
канал
частот
сегодня
за полночь
и завтра в семь

несовершенны
о
твои дела
и ни вола
и паки
ни осла
а под окном когда
летал
кружил
следами вывел
ни жены чужой

следами
завязав
небесный лёд
из удалства
узлом
как кочергу

а солнце мёртвых —
на —
когда взойдёт

пустое
мелкое
и ни к чему

Е. Т.

так и начни как пешеход
от ветра прячущий лицо
меж отодвинутых щеколд
и недорубленных лесов
на даче посреди болот
в постели в торфяном дыму
как старшекласник что сдаёт
экзамен не готов к нему

надёжней на своих двоих
зага/заглядывая в пах
на четырёх песках стоит
гудит на четырёх ветрах
большими водами промыт
привычен к светскому вранью
хохочет что-то говорит
но снится снится что сдаю

так обучают навсегда
как будто до рожденья знал
как кзыл-орда — караганда
в степи проложенный канал
как демосфен дающий сбой
как малый камушек во рту
сухое небо над тобой
гортань уходит в темноту

2006

любой, но чтобы сосны за окном.
пускай дощатый, карточный — но сосны.
пусть будет лишь одно название — «дом»,
но будет отблеск на закате красный.
и пред тобой, негодным к строевой, —
вечерний строй, к морской вовеки годный.
закончен день, сурдиночный и злой,
их музыкаю, медленной и медной.

протри, потом поставь свою иглу
из воздуха, и никогда не мимо,
из солнечных квадратов на полу,
из голосов (их называют «гамма»),
все — в очереди, за одним — другой,
и — до реки, до моря, через море,
а там уже столетний лес секвой:
как вы, такой и вам отмерят мерой.

а в воздухе — эфирные тела,
и искры, и горячие светила,
и медленная музыка плыла,
пока на сердце жгло и рассветало.
то закрывал, то открывал глаза,
всё проверял — на месте, не исчезли,
прозрачные, янтарные леса,
как были до, как будут после жизни.

2006

[тютchief]

дине гатиной

сидел на полу.ги
разгребая совком.com
писем груду

не надо писать о том
буду ли я
стариком
[1. пятнистой лягушкой]
[2. земляным червяком]

может быть
и не буду

2007

[зигмунд ф]

хочешь поговорить об этом
будучи незаконным сыном
этой страны
плесневелым сыром
пляжным тряпочным волейболом?

то вытеснение
как из лужи
воздух тех кто двоякодышит

то замещение тех кто слышит
той кто целует но слышит хуже

катишься яблочком в местном тире

ляг на кушетку и медитируй

помнишь дача сырая местность
на горизонте еловый лес да
пегий лающий неизвестно
на кого этот пёс поджарый

близ регулируемого переезда
равного одному пожару

2007

три
четыре
потом до ста
притаился
не скрипнула бы доска
ты когда-то вышел меня искать
проще скрипичного голоса
тоньше смычкового волоска

долго
долго
думал уже забыл
тут в чулане
тут наверху
превратился в голубоватую пыль
в ласковую труху

лучше поздно чем никогда
что теперь твоя деррида
поздний дар
леденец во рту

жги свои бесполезные города
согревай сироту

2007

[indian s.]

я войду и куртку скину,
напишу записку в школу
о загрипповавшем сыне.
лето бабье. сны мужские.
пробуждение бесполо.

на минуту, что ли, встаньте —
я поправлю жизнь под вами:
этот джаз на риверсайде,
эти астры в палисаде,
эти реки с рукавами —

всё пропало. всё сгорело.
всё летит под небом синим.
вот и следователь с мелом.
вот и найденное тело.
тело пахнет керосином.

собираем дни к отлётам —
шулерские карты в крапах.
жизнь шуршит искариотом.
время пахнет креозотом.
это мой любимый запах.

2007

[mutterland]

лыжи-куинджи, река-серебро, шапка-сибирка.
до океана — глазам тяжело — снега селитра.
и, наблатыкавшись (зря ль, пока жив, вирши царапал),
слогом неспешным ведёт нарратив бледный нарратор.
как отправлялись в раскосый вояж — радостно было,
как начинали с оптовых продаж — спички и мыло;
всё, что гадали по правой руке, нынче на левой,
и по родимой бредёшь налегке, военнопленный.
радио знают шансон шофера, мы же — из джаза:
утренний кофе, дневная икра, holiday plaza,
но всё равно в туалете глазок, в штате доносчик,
и под бумагою в несколько строк — родины росчерк.
вот она, баба тире дровосек с дланью воздетой,
но на другой не жениться вовек — значит, на этой.
лыжи возьми, насуши сухарей, соли в газете,
и уходи, уходи поскорей в белые нети.

2008

сто маленьких розовых
мэрилин монро,
девяносто маленьких фиолетовых
тимоти лири,
восемьдесят маленьких голубых
далай-лам,
семьдесят средненьких красных
львов троцких (бронштейнов),
шестьдесят толстеньких смуглых
уго чавесов,
пятьдесят крепеньких черных
мартинов лютеров кингов,
сорок маленьких салатových
таблеток для увеличения пениса,
тридцать сморщенных коричневых
матерей терез,
двадцать радостных оранжевых
революций,
десять унылых серых
контрреволюций,
пять безумных зелёных
исламских революций,
три бодрых гарантированных
владимира путина,
два крохотных бурых
дмитрия медведева
и один энди уорхол.

2008

1.

зеркало отпотевает.
медленно проступают
волосы, лоб, щека.
бог — он не различает
лица издалека.

ещё два пореза, кроме
прежних. налипшие волоски.
красная струйка крови
через материки.

крем наносится скупю:
тут и тут.
ангелами поют
водопроводные трубы.

2.

чему, чему свидетели мы были!..
да ничему мы не были. мент крикнул:
«свидетели!» — и сразу пусто стало.

3.

книжники сравнивать с текстом обречены,
то печалюсь, то умиляюсь.
синтез их, их анализ —
от захлёбывающейся слюны до звенящей струны.

тишины им нет и покоя
в покое и тишине.
день — на войне
с собою.

длись, строка.
разворачивайся и длись.
разматывай пряжу над миром, как над сионом.

это лука
евангелист
вырезает из ткани небесной лист,
наводит прожилки, раскрашивает зелёным.

а потом иван и матвей
жёлтые пятна ставят, крючки, овалы:

«когда ты меня впервые поцеловала —
это было как песнь песней».

2008

[жетоны]

видя жизнь, несущуюся во тьму,
«почини», — говорит ребёнок.
можно умилиться, конечно, но,
в общем, нечему умиляться.

хочется забыться и потеряться.

но и это сделать непросто:
всё расчерчено на квадраты,
и для перехода из одного в другой
требуются особые жетоны,
выдаваемые только лицам
первых десяти рангов.

2008

[популярное стихотворение]

*Большая роль в насыщении рынка товарами принадлежит торговле. Она...
г. сагир «сонет-газета»*

это стихотворение
имеет все шансы
стать весьма популярным.
оно состоит из букв,
многие из которых вам знакомы.
для того, чтобы глаз
не так плавно
скользил по строчкам,
а время от времени отвлекался,
автором применены
различные знаки
препинания:
двоеточия,
запятые,
и даже — представьте — тире.
в стихотворении,
которое хочет стать
по-настоящему популярным,
должно быть нарушено
какое-то важное правило.
скажем, логики.
или грамматики.
так автор вносит элемент новизны
и одновременно
вызывает у читателя
чувство протеста,
вынуждая его к сотворчеству.

например,
в данном популярном стихотворении
нет прописных букв.
одни строчные.
популярное стихотворение
должно быть написано
в девять часов утра
в комнате, окна которой
должны смотреть
на юго-запад.
постель автора
не должна быть заправлена.
в левом тапке автора
должна быть какая-то крошка,
мешающая при ходьбе.
популярное стихотворение
не должно быть бесконечным.
это утомляет.
в конце него
должна стоять
легендарная
чёрная
точка.

2010

[памятники (из путеводителя)]**1. памятник поэту шону ф.
(город с., северо-восточная провинция)**

по городскому парку, расположенному на холмистых берегах ручья зее, разбросаны увеличенные в десять раз и исполненные в мраморе части посмертной маски поэта.

на них высечены строки из верноподданных од, которыми шон ф. прославился при дворе местного курфюрста.

строки из вольнолюбивых стихов того же автора, писанных им тайно, также нанесены на фрагменты памятника особой невидимой краской, проявляющейся в инфракрасном свете, однако ни власти, ни публика не знают об этом.

**2. памятник архитектору альвену н.
(город ф.-м., та же провинция)**

находится в начале так называемого диагонально-перспективного шоссе, проложенного стараниями альвена н. через весь город.

установлен на невысоком постаменте и представляет собой контур фигуры альвена н. в мягкой фетровой шляпе и плаще-крылатке — его любимой повседневной одежде.

при определённых условиях атмосферы, складывающихся в долине реки м., на которой расположен ф.-м., примерно раз в десять лет, сквозь пустотелую фигуру архитектора можно увидеть установленное на другом конце диагонально-перспективного шоссе

изваяние бегущего мальчика с мячом в руках, представляющее собой образ альвена н. в раннем детстве. в иное время сквозь памятник видны лишь возведённые архитектором вдоль шоссе в помпезно-унылом стиле восьмой империи жилые и офисные здания.

3. памятник основным ветрам (город о., столица одноимённой провинции)

установлен по четырём сторонам центральной городской площади квадратной формы, именуемой площадью практической пользы.

представляет из себя изваянные в бронзе в масштабе примерно четыре к одному (от земли по пояс) идущие ноги в брюках и ботинках, а также кисти рук в перчатках, придерживающие развевающиеся полы плащей.

по ночам, когда вход на площадь строго запрещён, на отсутствующих верхних частях фигур сидят птицы.

следы птичьего помёта, оставшиеся к утру на невидимых фигурах, убирает на рассвете специально нанятый городскими властями человек, давший строгую подписку о неразглашении этого факта.

4. памятник всему существующему (город а., промышленная столица империи, провинция южный у.)

представляет собой специально выделенную зону в центре города.

в зоне расположены участок смешанного леса; открытая часть реки н., заключённой на остальной части города в подземный коллектор; заливной луг и распаханый участок чернозёмного поля.

в зоне поддерживается микроклимат, соответствующий первой декаде сентября, с равным в течение всего времени количеством дождливых и солнечных дней.

по замыслу архитекторов и строителей памятника, его главной частью являются не перечисленные природные объекты, а так называемые золотые паутинки, хаотично движущиеся над ними, следуя известному образу из хрестоматийного стихотворения русского поэта г.

зона памятника надёжно защищена от проникновения жителей города а., а также всех живых существ, особым электромагнитным полем.

2011

[кратово]

льву оборину

книгу листая,
только что стража
смокнет вторая,

майский крылатый
в верх экипажа
входит, тараня.

нет, это первый
сна подступает
лепет и ропот.

кто на веранде,
тот, засыпая,
лето торопит.

лепо ли бяше —
крапины оспы
луны-кухарки,

визги наташи,
в кратове сосны,
в кляссере марки,

и, упуская
август сквозь пальцы
(горе лентяю),

не отогреться,
не отоспаться —
будет сентябрь.

в ямах обочин
желты цветочки,
хоть сто лет не был.

глаза песочат
тёмные точки —
оттуда пепел.

всё проступает
нощно и денно,
крупно, подробно.

что ж ты заводишь
песню военну,
флейте подобно?

2011

1.

МОТЫЛЁК-МОТЫЛЁК
ЗАЛЕТЕЛ В БУТЫЛЁК,
ТУТ ЕМУ И ОТРАДА:

ПИЩА ЕМУ — ЛИСТОК,
СОЛНЫШКО — ГДЕ ВОСТОК,
ДОНЫШКО — ГДЕ ОТРАВА.

А ЧТОБ ВОЗДУХ НЕБЕС
НЕ ЗАКОНЧИЛСЯ ВЕСЬ,
ЧТО ДАН ВИННОМУ ШТОФУ,

К ГОРЛЫШКУ ВОЗНЁСЕН,
ТИХО МОЛИТСЯ ОН
ГОСПОДУ САВАОФУ.

2.

ЛАСТОЧКА МОЯ
ЛЕТАЕТ ПО ГОРОДУ.

ЛАСТОЧКА МОЯ
ДЕЛАЕТ ПОГОДУ.

НЕ ПЬЁТ, НЕ БРАНИТСЯ,
НЕ ЗНАЕТ ГОРЯ —

ПОМЕРЛА СИНИЦА,
ПОДЖИГАТЕЛЬ МОРЯ.

2011

даше и юле котенёвым

в качестве опыта
ником тесла
перенесены по воздуху
тофсла и вифсла

тофсла и вифсла ёжились
им было лестно
хоть сперва и не видели
особого смысла

всё ж приятно по воздуху
ногами болтая
глядя залив ботнический
неву и волгу

обгоняя нервного
шалтая-болтая
друг на друга облакачиваясь
как на верхнюю полку

воздушные яблоки
золотые разряды
второй-первый юношеский
затем третий взрослый

тролли злобы-ярости
теперь не казнят их
в небе опирающихся
на гибкие трости

выведи их на берег
на тонкой леске

мирликийский праведник
никала тесла

чтобы рядом шли крестясь
оба двое
с нимбом электричества
над головою

2012

P.S.

Из книг «Провинциальная латынь»
(2001)

и «Мир по Брайлю»
(2004)

* * *

Лето. Жара и томление духа.
В небе смеётся полуденный бес.
Всюду идут поджигатели пуха,
Взяв зажигалки наперевес,

И над водой — язычками, мгновенно,
И по асфальту, мечась и треща,
Лёгкое пламя остатки вселенной
Не устает целый день поглощать.

Строки Овидия — высшая школа!
Сердце — закон и живым, и гробам!
Жарким огнем — не дыханьем Эола —
Страсть прикоснулась к открытым губам.

Веришь, что можно живыми остаться?
Слишком большая у страсти цена:
Чёрные лужицы — пуха останки —
Это сухие ее семена.

Вода I

Когда из душных городов
Они спешат ко мне на зов,
Заслышав дальний гром,

Я влагу зыбкую свою
По капле каждому даю —
Зови меня дождём.

Когда под утро дождь затих
И капель пролитых моих
Следы ушли в песок —

Потрогай влажную траву
И вспомни, как меня зовут:
Зови меня росой.

Когда вступаешь в жизнь мою,
То знай — ты вечно на краю,
Меж счастьем и тоской.

Река не помнит ни о чём.
Река играет и течёт.
Зови меня рекой.

Вода II

Вода принимает форму
В которую налита

Вода говорит невольно
О чём мы молчим всегда

Весь мир для нее — игра

Когда ты откроешь кран —
Ты выпустишь жизнь на волю
Струится она поёт
Уснуть тебе не даёт
Хотя ты и стар и болен

Так пусть же она течёт
Меж рощ полей колоколен
Изгибам утратив счёт

Портрет девушки с флейтой

Перевозчика жду: пусть усадит меня, гордеца,
Познакомиться с Летой.
На холсте чуть намечен наивный рисунок лица,
Перечёркнутый флейтой:

Ты всё время мне чудишься с флейтою около губ,
И, навязчивым ритмом,
Облака за тобою, как козы ручные, бегут
С замирающим криком.

Круглы камни Эллады, и сыра с вином торжество —
Результат неизвестен.
Деревянная дудка и дырочки — нет никого,
Кто бы смог этой песней

Приручить моё сердце, послать его снова в полет.
Ты сумеешь? — Поспорим!
Исчезает виденье, но флейта поёт и поёт
Над сияющим морем.

* * *

Наверху — темнота, а внизу уже странно светло,
И калитки дрожат, ожидая последнего стука:
Это ангел весны, волоча за собою крыло,
Тихо входит в наш город уездный по улице Глюка.

Как забавно порой возвращение прежних имён:
Сорок лет ее улицей Бебеля звали покорно,
Только гипсовый памятник Бебелю ныне снесён,
Так что падшему ангелу здесь проходить не зазорно.

Он райкомовский сквер и почтамт на углу узнаёт,
И автобус-экспресс, проезжающий в Брянск из Полтавы.
Он когда-то отсюда вознёсся на небо, но вот
Обломали крыло и сослали назад для забавы.

А ему наплевать: он поёт, он идёт налегке,
Лишь крылом задевая ограду, моргает от боли,
Да кусочек весны, что несёт он в газетном кульке, —
Как поклон землякам: пусть и те позабавятся, что ли.

* * *

В комнате весенней ночью — жарко.
Подойди к открытому окну.
Шепотом Эола дышит арфа
Рамы деревянной на ветру,

И орган деревьев, Бог высокий,
Начал, разгоняя зимний хлам,
Двигать победительные соки
По забывшим музыку стволам.

Хоровод кастальский, пляска дрожи,
Тесный крут ветвей, теней и тел.
Такт — и ночь, два такта — ночь, и все же —
Чуть светлей, ещё два такта — день.

Так лети же, музыка, над нами,
Золотой валторною трубя.
Всех нас понесут вперёд ногами
Мимо тихо плачущей тебя

В ту страну, где ночью душной, липкой
Нет окна — дышать наперебой,
Вспоминать, что малою пылинкой
Ты осталась на земле другой.

Из Марка Сульпиция Марона

I.

На пиру у Петрония Арбитра
Ты напротив меня лежала, дева.
Расстоянье меж нами было меньше
Летней ночи короткой, воробьиной.

В этот день я не пил заздравной чаши
И не тешил собравшихся стихами.
Те, кто видел тогда меня впервые,
Видно, думали: «Варвар с гор Альпийских».

Раб Петрония нёс мою записку —
Это сердце мое он нёс на блюде.
А когда возвратился он с ответом —
Это сердце моё ко мне вернулось.

«Извини мне, Петроний, что покину
Раньше времени пир твой», — говорила я.
А Петроний лукаво улыбался
Мне в ответ, искушён в делах Венеры...

II.

Мой слуга, приносивший жертву ларам,
В умиление поверг меня, Петроний, —
Он просил сохранить его подольше
В этом доме, при мне — до самой смерти.

А меж тем я его за нерадивость
Упрекаю и даже бью порою.
Видно, что-то в моём доме такое,
Что в иных — и богатых — не бывало.

Почему же душа моя, Петроний,
Не умеет нигде найти приюта —
Ни в весёлых кварталах возле Тибра,
Ни на самом холме Капитолийском?

Видно, ларам я чужд и неугоден —
Их неловкой рукой переставляю,
Необильную им дарую жертву
Иль не с должным почтением прошу их...

Нет, не это причина — просто сердце
Своим домом считает мир огромный
И не может нигде найти порога,
Где домашних богов своих поставить...

III.

Где голос птицы из ветвей слышен,
В листе сокрытый, но притом — явный,
Себе построил я шалаш малый,
Вполне достаточный для сна, впрочем.
А в перерывах между сном — бденье,
Где песню сладкую поют губы
И только лёгкого дождя капли
Питают душу и целят тело.
Когда захочется узнать ветер —
Я просто руку подниму кверху.
Целует влага, значит, он — с моря.
Песок кусает, значит, он — с суши.
А тех любимых, что вдали, в Риме,
Я имена уже забыл, каюсь:
Возьми все подати себе, Цезарь,
А мне лишь малое оставь — лиру.

Дождь шёл целый день и всю ночь, и устал,
И вот — на рассвете — уходит куда-то.
Тяжёлая капля на кромке листа
Дрожит обнажённо и чуть виновато.

Забывший дорогу рассеянный свет
Неловко, на ощупь, проходит меж веток,
Как будто он не был здесь тысячу лет,
Но хочет ещё побывать напоследок.

Как лёгок был сон, когда пела вода
И гром отдаленный ворчал, затихая.
Как свет непривычен. Так ждущие рая

В воротах, помедлив, не верят: «Туда?..» —
И за провожатым идут по следам,
По мокрой земле осторожно ступая.

Жить в холодной стране. Холоднее, чем эта.
И, мечтая о юге, ходить в канотье,
чуть прищутив глаза от белёсого света,
отражённого в серой прохладной воде,

и жалеть, что судьба не кидает под ноги
гальку южных морей, палестинский песок,
и копить на поездку на море, убогий
урезая учительский хлеба кусок.

Старомодный, нелепый пиджак чесучовый,
стук бамбуковой трости о гладкий гранит,
да касается губ шелестящее слово,
да терновника куст пред глазами стоит...

Видно, холод рождает виденья такие.
Видно, воздух — прозрачный, бодрящий, живой.
Видно, жизнь такова — холоднее России,
то есть, надо понять, — холоднее всего.

Поезд, ход замедляющий.
Будка. Насыпь.

Лучшее из занятий —
Мостостроенье:
Как бы иначе видели
Это, боком
Медленно повернувшееся
Пространство.
Нежится, золотясь
Под неярким солнцем,
Между двух гор — долина
С прищуром речки.
После стены лесной
Покидает зренье
Тело — и путешествует,
Где придется.
А в небесах — такие же
Арки, своды,
Видимо, послужившие
Образцами.
Лёгкой стопе — опора
При переходе
С западного — к восточному
Краю неба.

Лучшее из занятий —
Мостостроенье:

Ангелы начинают,
Мы продолжаем.

Утихнет ветер. И тогда
Стемнеет. Как-то резко, сразу.
И станет светлою вода
Речная — видимою глазу;

Расширясь, выйдя из игры,
Займёт весь мир легко и точно.
И пастухи зажгут, цепочкой,
Для душ озябнувших — костры.

Закрой глаза. И этот вид
Запомни. Лягу я — подвинься.
В бидоне плещет молоко.

Телега старая скрипит
Ночными берегами Стикса.
И перевоз недалеко.

ВАРИАЦИИ

I.

В движеньи мельник жизнь ведет, в движеньи...
Но отчего в груди такое жженье?
Как будто проросли в неё шипы
Из воздуха — предвестники ухода,
И корчится постылая свобода
Под свист и улюлюканье толпы.

Я здешний мельник. Или здешний ворон.
Как все вокруг, махать крылами волен,
Изображая ветер стран иных,
Но что такое деньги — я не знаю.
И лишь в руке немеющей сжимаю
Простую горстку камешков цветных.

Ещё сказали — дочь была... Но, право,
Её судьба — веселье и забава,
А я уже захлопнул эту дверь.
Зачем ты смотришь на меня, прохожий?
Я вижу: у тебя — мороз по коже —
В утробе скрыт многоочитый зверь.

Расставим же жилища по порядку:
Две мельницы и легкую палатку,
Дом сумасшедший над рекою — друг
Весёлых криков и ночного воя,
И — через тьму воды над головою —
Пролёт моста, ведущего на юг.

II.

Блажен, кто посетил сей мир,
В киоске взял бутылку пива
И начинает скромный пир
За двадцать пять секунд до взрыва.

За двадцать пять. Четыре. Три.
За две. Одну. Уже — за двадцать.
И некий холодок внутри
Ему помог бы догадаться.

Блажен, кто звездною тропой,
Своею собственной орбитой,
Сам у себя над головой,
С бутылкой пива недопитой,

В кругу таких же, как и он,
С полупрозрачною котомкой,
Над безобразною воронкой
От зла и боли вознесён:

Ему сияет вдалеке
Непостигаемое нами,
Он, кровь стирая на виске,
Лепечет чудными словами
На незнакомом языке.

МАСТЕРА

Точить ножи-ножницы-бритвы,
Читать над усопшим молитвы,
Шептать заговоры от глаза,
Стеклом и кусочком алмаза
Разбитые окна лечить,
Паять-починять и лудить,
Столярничать; взявшись за шею,
Шлепком по спине выгонять
Застрявшую кость, воровать,
Бродяжничать — я не умею.

Умею — над нашею крышей
Воздушного змея услышать
Натянутой ниточки звук,
Зажмурить глаза — и на юг,
На юг — над великим покоем,
Над медленной серой рекою,
Туда — где полынных холмов
Подставлены вечности спины,
Где в пыль упадают маслины,
Под солнцем пустынь перезрев,
Где агнец, ребёнок и лев
Идут к одному водопою,
Забывшись, предавшись покою,
Вкушая его благодать...

Умею ещё умирать.
Пока не проверил. Однако
Надеюсь, сумеем когда-то
Мы все, как настанет пора.

Поэтому мы — мастера.

Двенадцать летящих пчёл, и вокруг — никого,
Кто книгу мою прочёл. А пчелиный яд —
Смертельный яд для меня, говорил Патрокл.
Теперь вам грустные праздники предстоят.

За много стадий виден дым на холме,
И пахнет мясом барашка и молодым
Вином; и эти свитки, рукой моей
Исписанные, — все превратятся в дым.

Такой обычай. Незачем и пенять
На это тем, кто вместе со мною был.
Привыкнув здесь, в горах, к земле пригибать
Лозу, чтобы мороз её не побил,

Они и все слова предают земле,
Собрав их и сперва превратив в золу...
Зола — лоза. Звучит похоже. Теперь —
Вина попробуем, честь воздадим столу.

А я — я буду дымом смотреть с небес,
Полупрозрачным облаком пролетать,
Пытаться листья лавра рукой листать,
Пытаться эти запахи вспоминать,

Шептать, лепетать, щебетать — и только потом
Смиряться с тем, что тень девятого дня
Накроет эти горы, да и меня
(А чем я лучше?) зыбким своим «ничто».

Открываю старые картоны...
В Разумовском оголились клёны.
Непривычный свет в аллеях лёг,
Словно грузный зверь, для зимней спячки,
Приготовив мелкие подачки:
Дождь с небес, из печки уголёкю

Хорошо ступать на мокрый гравий.
Лёгкий выдох летних разнотравий
Сушится в гербарии, в углу
Дома, да и дождь — не столь докучен:
Каждый поворот аллеи изучен,
Вызубрен, как летнее «люблю...»

Слово «помнишь...» выпустив из плена,
Слово «завтра» выслав на замену,
У пруда стоять на берегу,
Книгу перечитывать с начала.
Только три строки из Марциала
Вертятся и вертятся в мозгу.

И, казалось бы, к чему томиться?
Помнишь, как была Императрица
В том году, о чем поставлен знак
Мраморный — и три строки из меди.
(В скромном деревенском Кифареде
Было вдохновенья — на пятак.)

А теперь не радует и это.
За спиной горит остаток света.
Впереди лишь тьма на много дней,

Мрак забвенья, долгая опала.
(Снова три строки из Марциала...
Привязались, право, как репей!)

Время задавать балы старухам
И, напрягшись ослабевшим ухом,
Слышать за спиной: «Один конец...»,
Щекоча потешными огнями
Небеса предзимья, где над нами
Проплывает сумрачный Стрелец.

Вот весна. Этот мякиш сырой
Пережёвывать, с болью тупой
Мять беззубыми дёснами слово
Первый раз, а затем и второй,
Удивляясь: выходит порой,
Кто б подумал, не так уж хреново.

Чёрных веток сырая возня
В переулках... Какого рожна
Ты свернул в эту Марьину Рощу?
Лишь окатит таксист молодой
Океанской солёной водой,
Да щенок повстречается тощий.

Да, немолод. Но, в общем, не стар.
С одного — на другой тротуар.
Ничего в этом мире не слишком.
А под утро — вернуться домой.
Жар. Бессонница. «В доме больной», —
Сын с порога расскажет мальчишкам.

В нашем доме — больной. Это я.
Небо синее. Крик воронья.
Шепоток говорливых соседок.
За окошком — разбитый фонарь.
Бедных рифм кисловатая гарь
Да невнятица слов напоследок.

Лето забытое. Жёлтый подсолнух на синем
Фоне — в шкафу платяном — из-под джинсовой куртки.
Юбки такие в прошедшем сезоне носили.
Их привозили сюда темнолицые турки.

Многоглаголющие, черноусые, злые —
Где вы теперь? Только снега знобящая вата.
Или и впрямь Одиссей не доплыл до России
И затерялся в горячих просторах Леванта?

Что ж, закрывайте глаза и захлёб говорите.
Переживём эту зиму — и станем моложе.
Тот, кто в Керчи засыпает, проснётся на Крите,
Встанет, потянется, рыбы к обеду наловит.

Только вот эха не слышно и не оставляет
Следа нога. Всюду запах смолы и иссопа.
В небе ни облачка. Так у живых не бывает.
Яду, Калипсо!
Зови женихов, Пенелопа...

Из «Трёх благословений». На хлеб

Хлебом корми их с руки.
Вздутыми пузырьками.
Кисленьким запахом дрожжевым.
Духом живым тоски.
Плотью и голосами.
Всем, что ещё не превратилось в дым.

Хлебом корми их с руки.
Слышишь — щебечут?
(А говорил — схоронили давно.)
Ангелы-дурачки,
Старые вещи,
Чёрной пластинки колокое веретено.

Хлебом кормить — нынче одна отрада.
Странные времена.
Белый бесплотный шум.
Если придет любовь — сладкого винограда,
Если придет война —
Хлебушка попрошу.

У моря шепот Бога
Слышнее, чем в местах
Иных,— и Нильса Бора
Охватывает страх...
Он на песок присядет,
А полчаса пройдёт —
Он с дикими гусями
Отправится в полёт.

Несите Нильса, гуси,
К Великой старой скво,
К морщинистой бабусе —
Праматери всего.
Испачканная сажей,
Всея Земли вдова,
Она ему расскажет
Строенье вещества,

Истопит баньку жарко,
Предложит сто услад
И объяснит про кварки
И ядерный распад...
Заснуть под это пенье
И видеть дивный сон —
Но сердце, как пропеллер,
Унять не в силах он.

Едва глаза закроет —
И чудится ему:
Идут солдаты строем
В египетскую тьму,

В довременное пламя,
В какой-то адский рай
Идут они цепями
Гусиных белых стай...

Несите Нильса Бора
Назад, в родимый дом,
Где Копенгаген скоро
Заблещет под крылом...
Пробраться осторожно
К себе и обувь снять...
Спи, ядерный художник.
Не все ж тебе не спать.

Сегодня я покину Сиракузы.

У городской заставы разотру
В ладонях то, что мне казалось камнем,
На деле ж было — ссохшеюся пылью,
И прочь уйду под колотушку снов,
У города поставленных охраной,
Под шелест нескончаемых бумаг,
Всех этих исходящих и входящих...
Пойми, здесь даже гневное «Тиран!» —
Не кличка, что с презрением палачу
Бросает после пыток заговорщик
В лицо — а должность. Выборная должность.
Когда весной стаи директив
И писем вылетают из дворца
По всем почтовым ящикам-скворечням,
И каждый час в любой радиоточке
Кукушкой отсчитывает время
Скрипучий канцелярский голосок,
И вышеупомянутый Тиран,
Двенадцать лет работавший в охране,
Чем заслужил народную любовь,
Всех призывает жить рационально
И гладить своих женщин по часам,
Я вспоминаю детскую считалку
Про ножик из кармана, и ещё
Про воду, утекавшую меж пальцев,
Про то, как я блаженно забывался
Над томиком раскрытым Гесиода,
Про то, какой была моя жена,
Когда мы с нею встретились впервые...

Я стать хочу великою рекой,
Несущей свои медленные воды
Скупого цвета северного неба
Не в наше, так похожее на рай,
А в дальнее, таинственное море,
Которого и нету, может быть,
А есть одно лишь вечное стремленье
Ногою оттолкнуться от истока
И литься вдоль пологих берегов,
Касаясь трав прохладными губами.
Да, стать рекой. А если не судьба,
То пусть меня поднимут на дороге,
Прожаренного солнцем двух Сицилий,
Застывшего, не приходя в сознание,
С блаженною улыбкой на устах:

Сегодня я покинул Сиракузы.

Из книги «КАК ЕСЛИ БЫ» (2006)

«я полежу ещё знаешь...».....	7
«мне пора отвыкать от моей жизни...».....	8
«По второму каналу опять сериал...».....	10
«вагон метро. круговорот теней...»	11
«Говори, галерник. Ты первый, кто воротился, но...».....	12
«Фонари над предместьями Рима...».....	13
«Се — наша родина: изюм, сабза, урюк...».....	14
«Надо бы жизнь начинать с запятых...».....	15
«Кто жизнь, будто пулю в ночи, расписал...».....	16
«кряхтит пророк в отечестве своём...».....	17
«— карточку-заказывали-ну-что-там?...».....	18
«я живу за стеной — ты живешь за стеной...».....	19
«По утрам купаю губы в шоколаде я...».....	20
«Начинай. Мне уже не осилить четвёртой октавы...».....	21
«Походкою хмельною...».....	22
«Чисто московские вещи...».....	24
«Бумажный змей исчез, покинув тёплый дом...».....	26
«— О чём ты бежишь, утренний бегун в парке?...».....	27
Заклинания Святогорского уезда.....	28
«стоящий за окном театр провинциальный...».....	31
связист I.....	32
связист II.....	33
«завалило снегом, снами...».....	34
«в этой жизни отдельной...».....	35
«а так? — уехать в город истра...».....	36
«как трубит поутру пустотелый горнист...».....	37
«Поломала жизнь, поломала...».....	38
Стихи из Феодосии.....	40
«теки водой не поминай обид...».....	41
45-я («Прощальная»).....	42

Из книги «НЕВО ДЛЯ ЛЁТЧИКОВ» (2008)

«я говорит салтыков-щедрин...».....	47
«приходит зима, уходит зима, приходит...».....	48
[шкатулка].....	49
«— ваша ли музыка блюз? — спрашивает доктор...».....	50
«перемешанная с числами...».....	51

«всё забыть, и по второму кругу...».....	52
«небо для лётчиков, море для моряков...».....	53
[точка].....	54
«позвонила бережно...».....	55
«мы легли на грунт, — говорит...».....	56
[фря].....	57
[охотный ряд].....	58
[reformatio].....	59
[царевич].....	60
«с неба тревожный весенний свет...».....	61
[alma].....	62
[downshifting].....	63
[николай].....	64
[николай – 2].....	65
[лезвие].....	66
[de rerum naturae].....	67
[москва].....	68
«снег забивает стрелку моей стране...».....	70
[рыбалка].....	71
[модель человека].....	72
[ч/б].....	74

Из книги «ПОРАЖЕНИЕ МАРСА» (2012)

[пирке].....	77
[replay].....	78
[below].....	79
[радио].....	80
[вертоград].....	81
[аниматор].....	82
«небо раскрыло свой зонтик...».....	83
[пар].....	84
«радуйся отрок весна в питере...».....	85
памяти бабочек генделева.....	86
[via appia].....	89
«жил в краю пожухшей травы...».....	90
[прогулка].....	91
[гелиогабал].....	92
«парикмахерская жизнь...».....	94
[inganno].....	96
«остановись, послушай свысока...».....	97

[простая баллада].....	98
[1953. миф].....	99
«тем — записывать сиюминутное, брэнное...».....	100
[бухта].....	101
[мимо].....	102
«деревню смыли два дождя...».....	103
[тотем].....	104
[tere].....	106
«мирно! — говорят вам, штафирки...».....	108
[день конституции].....	109
[gorky].....	110
[камера].....	111
[все].....	112
[tivoli].....	113

Из книги «Подземный флот» (2014)

«подземный флот уже плывёт к тебе...».....	117
[слобода].....	118
[севооборот].....	119
«летний день с грозой и с норовом...».....	120
[говорят июнь].....	122
[***]	
1. «свет утренний на потолке хлопчет...».....	124
2. «дни на глазах обрастают ветром...».....	125
3. «в складках старого...».....	126
[гудини].....	124
[синематографика]	
1. [люмьер. прибытие].....	128
2. [эйзенштейн. броненосец].....	130
3. [хичкок. птицы].....	132
4. [коппола. апокалипсис].....	134
[пуримшпиль].....	135
[neverland].....	136
[энск].....	137
[николае].....	138
[новый боспор].....	140
[песни о советских лётчиках]	
1. «где звуковой предел бахчиванджи...».....	142
2. «на бредущей болтовне...».....	143
3. «два сиамских близнеца...».....	145

4. «они отрезали маресьеву ногу...».....	146
5. «с того момента...».....	147
6. «вот россия голоса воды и хлеба...».....	149
7. «соседка заносила спички и соль...».....	150
[к единому учебнику истории. наброски]	
1. «песни сморщенного яблока...».....	151
2. «на тихорецкую, а далее — везде...».....	152
[фома].....	153
[лицо].....	154
[земля].....	155

Стихи, не вошедшие в книги

[возвращение годо].....	159
[с седьмое декабря. классная работа].....	160
«и от весны до осени...».....	161
[отпадение А.]	162
«предрассветный купорос...».....	163
«мельхиор, балтазар, гаспар...».....	164
[с эпиграфом].....	165
«постоянно сам в себя стреляю...».....	166
«плала-говорила, в меня окуная лицо...».....	167
«так вода от талого снега бежит по саду...».....	168
«поклонники опасных авантюр...».....	169
«здесь у нас «счастливые недели»...».....	170
[литературоведение].....	171
[два с посвящениями].....	172
«любой, но чтобы сосны за окном...».....	175
[тютchief].....	176
[зигмунд ф].....	177
«три четыре потом до ста...».....	178
[indian s.].....	179
[mutterland].....	180
«сто маленьких розовых...».....	181
«зеркало отпотеваает...».....	182
[жетоны].....	184
[популярное стихотворение].....	185
[памятники (из путеводителя)].....	187
[кратово].....	190
«мотылёк-мотылёк...».....	192
«в качестве опыта...».....	193

P.S. Из книг «Провинциальная латынь» (2001) и «Мир по Брайлю» (2004)

«Лето. Жара и томление духа...».....	197
Вода I.....	198
Вода II.....	199
Портрет девушки с флейтой.....	200
«Наверху — темнота, а внизу уже странно светло...».....	201
«В комнате весенней ночью — жарко...».....	202
Из Марка Сульпиция Марона.....	203
«Дождь шёл целый день и всю ночь, и устал...».....	206
«Жить в холодной стране. Холоднее, чем эта...».....	207
«Поезд, ход замедляющий...».....	208
«Утихнет ветер. И тогда...».....	209
ВАРИАЦИИ	
I. «В движеньи мельник жизнь ведет, в движеньи...».....	210
II. «Блажен, кто посетил сей мир...».....	211
МАСТЕРА.....	212
«Двенадцать летящих пчёл, и вокруг — никого...».....	213
«Открываю старые картоны...».....	214
«Вот весна. Этот мякиш сырой...».....	216
«Лето забытое. Жёлтый подсолнух на синем...».....	217
Из «Трёх благословений». На хлеб.....	218
«У моря шепот Бога...».....	219
«Сегодня я покину Сиракузы...».....	221

